

ИГРЫ СУДЬБЫ

Хейки Вилеп

ИГРЫ СУДЬБЫ

Тарту 2011

© Перевод с эстонского
Елены и Бориса Балясных

Редактор: Борис Балясный
Дизайнер: Хейки Вилеп
Оформление: Артур Куус
Издатель: АО A-Disain

Все права защищены © Heiki Vilep
www.vilep.com, vilep@vilep.com

ISBN:

Глава первая

Пока смерть не разлучит нас

Меня зовут Ян Рааг. Я – веб-дизайнер, создаю домашние страницы. Я тот, кто помогает людям наиболее выигрышно преподнести себя в Интернете и красиво надувать клиентов.

Я создаю в сети множество хитрых цветастых ячеек-завлекалок, куда люди в искренней вере вбухивают свои денежки. Разумеется, ячейки эти бездонные и через какое-то время исчезают из сети, чтобы вновь появиться под новыми названиями и еще более шикарно оформленными.

Ячейки эти, в свою очередь, я создаю тоже в ячейке – в одном из крохотных рабочих боксов просторного зала филиала фирмы программного обеспечения.

Если смотреть сверху, то бюро напоминает пчелиный улей. Я сижу в одной из самых крайних ячеек этого улья за перегородкой, я – маленький винтик огромной машины.

Часто мне кажется, что вся моя жизнь ограничена рамками. Повсюду рамки и ячейки. Множество ячеек, входящих одна в другую. В больших ячейках – ячейки поменьше. В самой маленькой должен находиться сюрприз, но его там нет.

Вчера умерла моя жена. Попала под автобус. Я до сих пор не могу этого принять и смириться с этим, но все меняется. Я уже не тот, что был раньше. Я уже думаю не так, как до случившегося. Мой внутренний

мир перевернулся.

Я проснулся дома, сидя за компьютером. Левая рука затекла. Я поднял с нее гудящую голову и прислушался. Привычно скрипнув, открылась и закрылась входная дверь. Я посмотрел на часы – пять утра. Из коридора послышался стук – туфли полетели в угол. На пороге комнаты появилась моя в стельку пьяная жена Эве с болтающейся на указательном пальце сумочкой.

Она прищурилась, посмотрела на меня, помотала головой и, пытаясь нащупать стол, чтобы опереться, направилась к кровати.

– Привет, Ян!

Швырнув свою сумку на прикроватную тумбочку, она рухнула навзничь на кровать и что-то неразборчиво пробормотала. Уже минуту спустя послышалось ее посапывание. Я осторожно стянул с Эве спортивную кофту и увидел, что она без лифчика. А снимая затем юбку, заметил, что трусики надеты на левую сторону. Колготки и лифчик я обнаружил в ее сумочке.

Это было не похоже на Эве. Она хорошая, умная, красивая и верная. Эве – самая лучшая женщина на свете.

Я потряс ее за плечо:

– Эве! Послушай, Эве!

Жена повернулась, шевельнула губами и перевернулась на другой бок:

– Я хочу спать! И еще пить!

Я сильнее потряс ее:

– Эве, ты мне изменила?

Эве приподнялась на локтях и посмотрела на меня невидящим взглядом:

– А хоть бы и изменила? Что с того? Что ты сделаешь? Лопнешь от ревности?

Я встал, протопал в кухню и закурил.

– Дадут мне пить или нет? – требовательным тоном спросила жена. – Мне что, уже и пить не дают в этом доме?

– Иди, откуда пришла и пей там! – машинально ответил я. – И манатки свои забирай!

Какое-то время царила тишина. Вскоре я услышал, как Эве встала с постели и чем-то громыкнула в बारे.

– И пойду! – наконец раздалось в ответ.

Жена снова натянула на себя спортивную кофту и юбку, схватила сумочку и скрылась в прихожей.

– Так ты меня больше не удержишь? – крикнула она мне в кухню. – Или ты меня больше не хочешь?

Я встал и вышел в прихожую. Открыл входную дверь, схватил Эве за запястье и грубо вытолкнул ее вон.

«...пока смерть не разлучит нас», – мысленно произнес я и запер дверь.

Я снова сел за кухонный стол и глянул в окно. Увидел ранний желтый рейсовый автобус и услышал, как внизу хлопнула дверь подъезда. Поначалу я не связал эти две вещи – автобус и хлопок двери. Но тут послышались скрежет тормозов, глухой удар, задущенный вскрик и на миг воцарилась тишина. Жуткая, заповолившая весь мир, полная дурных предчувствий зловещая тишина. Она длилась мгновение.

Я помчался вниз, перепрыгивая через семь ступенек. Добежав до места происшествия, я растолкал людей, которые вышли из автобуса посмотреть, что случилось.

Там лежала моя жена: руки раскинуты, волосы растрепаны, голова неестественно запрокинута. Я заглянул в ее открытые испуганные безжизненные глаза, потом на столпившихся людей.

– Я уже вызвал «скорую», – отрапортовал нервный брюнет, – сейчас приедет!

Было ясно, что Эве умерла. Темная лужица вокруг ее головы все увеличивалась, а на запястье – том самом, за которое я, выгоняя, схватил ее – пульс не прощупывался.

– Вы ее знаете? – спросил кто-то.

Я не мог выдавить из себя ни звука. Я был в шоке. Мне смутно помнятся синие мигающие огни, красная униформа, поездка в пропахшей лекарствами машине. Все произошло слишком быстро и словно не со мной.

Только когда меня, наконец, прогнали сквозь строй врачей «скорой помощи» и полицейских, и я вновь оказался за кухонным столом, до меня стало доходить, что произошло.

Тупо, как робот, я направился к бару, взял литровую бутылку водки и свинтил с нее крышку. Вернулся за стол и наполнил до краев первую попавшуюся кружку. Потом второй раз. Потом третий.

Перед моим внутренним взором, сменяя друг друга, замелькали, картины нашего знакомства в студенческом общежитии, бурных ночей страстной

любви, свадьбы. Я увидел, как мы, взявшись за руки, стоим под дождем и смотрим друг на друга. Так долго, что, наконец, сливаемся в одно целое. Увидел, как мы катаемся на машине с друзьями, выбираем в магазине занавески, гуляем в путанице огней ночного города...

Проснулся я с дикой головной болью. Ощущение времени исчезло, на улице было темно. Направляясь в спальню, я споткнулся о пустую бутылку. В постели никого не было. Все случилось на самом деле! Я вернулся в кухню и стал жадно пить холодную воду. Мой взгляд упал на клочок бумаги, валявшийся на кухонном столе. Спяну я на нем почти неразборчиво нацарапал несколько строк:

*Судьба, если ты есть, поверни время назад и
оставь все, как было! Пожалуйста! Я прощу Эве!
Честное слово! Все прощу!*

Глава вторая

Семьдесят два бокса

В пепельнице среди окурков валялась сломанная шариковая ручка, а на полу несколько скомканных бумажек. Развернув их, я увидел, что в каждой почти слово в слово написано одно и то же.

В одном письме я требовал наказать меня, в другом обещал пожертвовать собой, лишь бы вернулась Эве, в третьем обещал все, что угодно.

Я выпил еще две кружки холодной воды и отыскал в ящике буфета конверт. Разгладив бумажки тыльной стороной ладони, я вложил их в конверт, а вместо адреса написал: «СУДЬБЕ». Затем надел спортивную куртку и вышел из дому.

Не глядя на место аварии, я направился к ближайшей автобусной остановке. На заборе рядом с остановкой висел почтовый ящик. Ни секунды не раздумывая, я опустил в него письмо. Мне даже в голову не пришло, что я делаю что-то дикое и смешное.

Возвращаясь домой, я попытался собраться с мыслями. Утром мне надо идти на работу в душное бюро, в свой крохотный бокс, за компьютер.

Даже думать об этом было невыносимо.

Я снова уселся за кухонный стол и на этот раз налил лишь полстакана водки. За окном проехал желтый автобус. Я почему-то вздрогнул. Что это было? Я вдруг почувствовал, что все вокруг меняется. Что меняется? Я обошел всю квартиру, даже в туалет

заглянул. Вроде все как прежде. Только Эве не было. Одним глотком я осушил стакан, опустил голову на руки и зарыдал. Рыдал я долго и безутешно.

Я любил Эве. Я соглашался со всем, что говорили: в браке каждый человек имеет право и на личную жизнь, никто не является собственностью другого, и т.д., и т.п. По сути, все сводится к простому вопросу: хочешь ты этого человека или нет. Если очень хочешь, то все вопросы брака-личной-жизни, кто-чья-то-собственность или не-чья-то-собственность и сколько-именно становятся незначимыми...

А стоит любви погаснуть, как тотчас все эти псевдovoпросы вновь становятся актуальными. Мало того, начинаются хождения по судам, пересуды с подругами-друзьями. Даже делаются телепередачи и проводятся исследования. Чем меньше любви, тем больше исследований и споров, больше кризисных центров и всевозможных приютов, комиссий по вопросам равноправия мужчин и женщин. И, в конце концов, едва тлеющие угли чувств окончательно гасит непогрешимое общественное мнение, такое же желтое, как и львиная доля прессы.

Но я любил Эве. Я хотел ее.

С бьющимися о невидимую стену чувствами и раскалывающейся головой, я отправился на работу. Закрыв за собой входную дверь, я поздоровался с сидящей за столом информации приветливой пожилой дамой и зашел в лифт, который доставил меня на одиннадцатый этаж в бюро.

Офисный улей жил своей обычной жизнью. В ячейках создавали ячейки. В соседнем боксе сидел программист Рейн и мечтательно разглядывал

потолок.

– Бурные выходные? – насмешливо поинтересовался Рейн, заметив мой потрепанный вид.

Я махнул рукой и сел на свое место. Неужели он еще не знает? В новостях наверняка уже раструбили. Странно.

Я включил компьютер и попытался сосредоточиться. Нет, сегодня из меня работник никакой. Я встал, чтобы налить себе чашечку кофе из кофейника, который стоял на маленьком столике возле двери.

Да, что-то изменилось. Или меняется. Потолок казался выше, чем раньше, да и само бюро как будто вытянулось. Я никогда не знал точного количества боксов в нашем бюро, но их должно быть примерно сорок или сорок четыре, потому что они располагаются попарно по обе стороны коридора. Я окинул взглядом зал, быстро подсчитал и получил шестьдесят четыре. Так много точно не было!

С чашкой в руках я вернулся за свой стол и без определенной цели немного полазал по Интернету. Какой-то американец выдвинул гипотезу, будто в мире существует одиннадцать измерений вместо четырех, как считается. Он также полагал, что можно создать проходы в параллельные миры, если построить вокруг солнечной системы сверхускоритель элементарных частиц и дать им столкнуться на бешеной скорости.

Все это ученое фанфаронство показалось мне вдруг такой бессмыслицей, что я даже выключил компьютер. Я поставил пустую чашку на маленький

столик и почувствовал: что-то опять меняется. Тогда я вышел в коридор и пересчитал боксы. Теперь их было семьдесят два. Я быстро пошел к Рейну и сказал ему полупшепотом:

– Послушай, я хочу удрать. Мне надо сделать кое-что важное.

Я надеялся, что Рейн ограничится лишь понимающим кивком, но, увы:

– Так и быть, сокру что-нибудь начальству. Как обычно. Только на этот раз ты двумя бутылками пива не отделаешься!

Я незаметно проскользнул по коридору и вошел в лифт. Пожилая дама за столом информации странно посмотрела на меня, не улыбнулась, как обычно, и не попрощалась. «Ну и бог с ней, – подумал я. – Ничего страшного». А вот семьдесят два бокса действительно сильно меня встревожили. Может быть, я заболел? И что это за болезнь такая? Скорее всего, какое-то психическое расстройство после пережитой травмы.

Шагая в центр города, я успокаивал себя, повторяя время от времени:

– Это пройдет, это пройдет, это пройдет...

Глава третья

**Я вроде бы
живу здесь!**

В центре города было многолюдно, и я жался поближе к домам, чтобы поменьше сталкиваться с людьми. Мне почему-то попадалось огромное количество знакомых, которые, однако, не спешили со мной здороваться. Они быстро кивали в ответ на мои приветствия, а некоторые недоуменно улыбались. Я несколько раз останавливался и смотрел им вслед, как будто хотел что-то крикнуть. Что? «Дорогой одноклассник, ведь это же я, мы вместе лазали по подвалам, почему ты со мной не здороваешься? Ой, здравствуй, Урве! Ты спала со мной, неужели ты меня не узнаешь?» Чушь собачья!

Больше всего пугало то, что они меня не узнавали. А ведь они здоровы! Не может ведь такого быть, чтобы и у них была такая же психотравма, как и у меня. А что, если я очень сильно изменился?

Добравшись до центральной площади, я остановился на углу, ожидая чего-то. Вскоре показался мой сосед.

– Ну, привет! – я улыбнулся во весь рот, будучи в полной уверенности, что уж он-то, человек, с которым мы виделись вчера, сразу меня узнает. – Как жизнь?

Сосед остановился и пристально на меня посмотрел:

– Разве мы знакомы? Мне очень неловко, но я что-то не припоминаю...

– Я же Ян! Ну, сосед!

– Ради бога простите, но вы меня с кем-то перепутали. Извините еще раз.

Мужчина кивнул и торопливо зашагал дальше. Он оглянулся, посмотрел еще раз на меня и скрылся за углом.

Я вытащил из кармана мобильник и стал проверять номера. Номер Эве исчез, все номера друзей тоже. Номер Рейна был едва различим.

Теперь я забеспокоился всерьез. Я побежал к автобусной остановке и впрыгнул в заднюю дверь желтого рейсового автобуса.

Автобус был набит битком. Просунув руку под мышкой высокого мужчины, я прокомпостировал талон и протиснулся к заднему окну автобуса.

Обычно мне нравится смотреть, как за окном автобуса удаляются пешеходы и окрестные дома, как из-под его колес струится шоссе. Когда долго так смотришь в одну точку, то кажется, что движется не автобус, а дорога под ним и дома скользят мимо, как на конвейере.

С каждой остановкой пассажиров становилось все меньше, и вскоре стали освобождаться места для сидения.

Я выбрал спокойного на вид пожилого мужчину и устроился рядом с ним. Я не мог дождаться своей остановки и, чтобы скоротать время и отогнать мрачные мысли об Эве и случившемся, принялся про себя считать.

Вдруг старик пристально посмотрел на меня и спросил:

– С работы?

- С работы, – ответил я устало.
- Давно работаешь?
- Да лет десять.
- Достало, – скорее констатировал, чем спросил он.
- Не без того.

Я не стал ему объяснять, что мое рабочее место разрастается, жена умерла и... Приятно было переброситься парой слов с совершенно незнакомым человеком: глядишь, и время пролетит.

– Периодически все надо менять, – неожиданно заявил старик.

– Все-все? – желая уточнить, переспросил я.

– Все равно когда-нибудь все изменится. Когда ты уже выдохся. И, возможно, в неправильном направлении. Так что лучше измениться самому. В нужное время и в нужном направлении.

То, что он сказал, было слишком туманно и общо, чтобы я сразу с этим согласился. У меня ровно десять лет, день в день были жена, работа и дом. Короче, то, что называют счастьем! Во всяком случае, то, что должно было им быть. Кроме того, самая крупная перемена из возможных уже произошла – Эве умерла.

– Это надо обдумать, – я заглянул в лицо старику и вдруг заметил его необычайно мудрый и всезнающий взгляд, который в то же время был каким-то диким и равнодушным. Взгляд человека, которого основательно потрепала жизнь, а он лишь смеется над этим.

– А может быть, уже поздно, – вскользь бросил старик, встал и вразвалку пошел к заднему окну. Я тоже встал, потому что мне надо было выходить на следующей остановке.

– Смотри! – старик кивнул, указывая за окно. – Видишь, как быстро все меняется!

Автобус остановился, я спрыгнул с предпоследней ступеньки, перемахнув через канавку, оглянулся и увидел ухмыляющееся лицо старика.

«Застрелись!» – огрызнулся я про себя, поднял воротник, уткнулся в него носом, потому что накрапывал дождь, и зашагал к опустевшему дому. Мюйри 13-8 – красивый адрес, мне, во всяком случае, он нравился.

Шестьдесят один шаг до ворот, двенадцать до задней двери, четырнадцать ступенек

и последние пять шагов до двери квартиры, а за ней холодная тишина и диван, на котором неудобно спать. Дверь в спальню я забаррикадировал креслом. К телику и компьютеру после случившегося не прикасался.

Я возился с замком, но никак не мог его отпереть, ключ просто не поворачивался.

– Кто там? – вдруг раздался за дверью совершенно незнакомый мужской голос.

– Эт-то я! Ян, конечно! Кто же еще? – запинаясь, ответил я.

Послышался приглушенный говор и, спустя секунду, дверь открылась. Передо мной стоял одетый в спортивные штаны грузный мужчина средних лет с волосатой грудью.

– Что вам угодно?

– Я... Я вроде бы живу здесь! – растерянно ответил я.

– Очень интересно, – мужик почесал свой волосатый живот, – а где же тогда, черт подери, я

жил последние десять лет? У вас что ли?

Мужчина придирчиво оглядел меня и, вероятно, решил, что я наркоман. Я попытался заглянуть поверх его плеча в квартиру: обои действительно были другими, мебель тоже и даже запахи, которые доносились из коридора, были совсем не те. Во всяком случае, у нас с Эве кошек не было.

Глава четвертая

Чужие занавески

– Простите! Все-таки, похоже, я ошибся. Еще раз простите!

Ничего не понимая, я вышел на лестничную клетку и услышал за спиной:

– Ничего, бывает!

Я спустился по лестнице, медленно ведя рукой по перилам.

Но ведь лестница та же!

Выйдя на улицу, я остановился посреди двора. Внимательно осмотрев каждый сарай, окна нижних соседей, облезлые доски длинной скамейки в конце двора и скворечник, собственноручно прибитый мной к старой березе, я вынужден был констатировать: «Точно! Все то же! Это мой дом!»

На всякий случай я вышел за ворота и посмотрел на дом с фасада. Однако занавески на окнах у нас были другие...

Через дорогу переходила соседка с первого этажа – симпатичная старушенция, никогда не упускавшая случая поболтать, несмотря на то, что я всегда находил предлог улизнуть.

– Здравствуйте, тетя Анна!

– Да, здравствуйте, – сдержанно, как чужому, ответила она и, проходя мимо, глянула на меня исподлобья. Войдя во двор, она быстро закрыла калитку и скрылась за углом дома.

Ничего себе! Неужели за сегодня я перепрыгнул

через десять лет? Или попал в какое-нибудь другое измерение?

Я вспомнил о проходах, которые соединяют разные измерения. Ну, допустим, я на самом деле попал в параллельный мир! Это не слишком проясняет происходящее, но все-таки хоть какое-то объяснение.

Я быстро перешел через дорогу, сел на кромку тротуара и, подперев рукой щеку, стал рассматривать свой бывший дом и его окрестности.

Что за чертовщина? Я ведь не сплю?

Я ущипнул себя за руку, потряс головой, потом ударил себя по щеке. Чужие занавески так и висели на окнах. Вдруг мне показалось, что из-за занавесок за мной кто-то следит. Ну и пусть следят! Пусть им будет весело и интересно!

Я снова достал из кармана телефон. Машинально набрал номер Эве. Когда я поймал себя на этом, то хотел отменить звонок. Но почему-то не сделал этого. Какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что раз уж возникла такая неразбериха, то может быть все что угодно.

– Алло? – раздался слабый голос, словно откуда-то издалека. У меня перехватило дыхание.

– Эве? Что за бред? – крикнул я в трубку. – Ты жива?

В ответ слышались лишь треск и шипение. Я увеличил громкость телефона до максимума и, закрыв другое ухо, стал напряженно вслушиваться. То ли мне показалось, то ли это было плодом моей фантазии, но сквозь треск и шум я услышал далекий безутешный и отчаянный плач:

– Прости меня, Ян! Пожалуйста, прости меня! Этого больше никогда не повторится, никогда, слышишь? Я люблю тебя больше всего на свете и не могу без тебя жить! Поверь мне, пожалуйста! В первый и последний раз в жизни...

– Где ты, Эве? – только и успел крикнуть я, как связь прервалась. Здравомысленно рассуждать я уже был не в состоянии. Что-то капитально изменилось. Плакать и просить прощения было не в духе Эве.

Может быть, я услышал надгробную речь на похоронах реальности? А в ней было некое послание или намек, как спасти свою жизнь? Если это была Эве, значит, она не умерла! А может быть, у меня начались слуховые галлюцинации?

Я сидел на кромке тротуара и смотрел на чужие занавески. Внезапно, словно очнувшись от сна, я набрал номер.

– Привет, ма!

– Привет, Ян, сыночек!

– Мам, скажи, где я живу?

– Ты шутишь? Будь ты пьяницей, еще куда ни шло, но...

Немного помолчав, мама догадалась:

– Поссорились? Ну, да. Ушел? Я всегда говорила...

– Мама, – прервал я ее излияния, – скажи мне, пожалуйста, какой у меня адрес?

– Улица Куммели 24-6, – протараторила она, а потом слегка обиженно добавила: – Дорогой сын, склероза у меня пока нет. И если это была шутка, то в последнее время ты стал как-то странно шутить!

– Не обижайся, мама! Шутка и правда не удалась! Я тут пива выпил с друзьями... О'кей, мне надо идти.

Я заскочу, когда будет время! Привет папуле! Чао!

– Что?! – раздался встревоженный голос, но я уже нажал на кнопку и отключился.

«С чего бы такая реакция?» – подумал я.

За последние два года я действительно стал больше пить, маленькие стычки и крупные ссоры бывали у нас и раньше, но из дома я еще никогда не уходил. Иногда, правда, мы с Эве дулись друг на друга, но потом я всегда покупал ей букет цветов и какую-нибудь безделушку.

Интересно, как незнакомая семья смогла так быстро, за один день обустроиться в моей квартире, да еще сделать ремонт и позволить кошке пометить всю квартиру? Десять лет? Этот волосатый толстопуз сказал, что он жил здесь последние десять лет!

Глава пятая

Улица Куммели

Я снова набрал номер Эве.

«Такого номера не существует!» – ответил на трех языках холодный и спокойный женский голос.

– Не может быть! Я не верю этому! – произнес я фразу из какой-то мыльной оперы.

Я еще раз пять набрал номер Эве, и, в конце концов, сдался. Напоследок я бросил взгляд на чужие занавески, отряхнул брюки на заднице и побрел к автобусной остановке. Дожидаясь автобуса, я непроизвольно дошел до своего бывшего дома и обратно. На окнах так и висели чужие занавески.

Значит, я живу совсем в другом конце города? Куммели 24-6? Если я слетел с катушек, то, конечно, дело дрянь. Но голова вроде как работает, да и с памятью, похоже, все в порядке. Только вот одна маленькая деталь – забыл, где я живу. «Ну, что вспомнил?» «Да нет, видишь ли».

Настроение слегка улучшилось, когда я представил, что Эве слышит мой странный диалог с самим собой. Как бы то ни было, но все-таки я не свихнулся окончательно. Ведь я же видел мертвую Эве, лежащую на земле! Держал ее безжизненную руку, а «скорая помощь» констатировала смерть! А теперь еще эта мистика с телефоном... Что происходит?

Автобус был почти пустым. Только на одном из задних сидений расположился одинокий старик,

который провожал взглядом убежавшие вдаль дома, словно прощался с ними. «Да это же мой знакомый мудрец!» – узнал я старика и вразвалку направился к нему по пустому проходу.

Старик выглядел унылым и вечным. Он снял с головы свою выдавшую виды шляпу, ребром ладони примял ее посередине, вздохнул, снова надел и устремил свой взор в вечность.

– И снова здравствуйте! – на этот раз я заговорил первым. – Изменилось, видите ли.

– Что? – старик сделал вид, что не понимает.

– Все изменилось! Разом!

– Как так?

– Как так, как так ... Быстро и незаметно.

– Как меняется что-то капитальное? – спросил старик.

– Капитальное? – не понял я. – Как оно меняется?

– Быстро и незаметно, конечно, – отозвался старик.

Меня раздражало, что он говорит загадками, и спросил его напрямик:

– Вы что, художник жизни, который не при делах?

Старик не обиделся. Он продолжал смотреть на уплывающие вдаль дома и спокойно ответил:

– Я олицетворяю разрыв между человеческой тоской и жестоким молчанием универсума.

– Почему вы цепляетесь ко мне со всем этим? – разозлился я.

– От отчаянной тоски и тревоги, мой милый. Мысль человека – это, в первую очередь, его тоска.

Я даже не захотел ему отвечать. Я тоже смотрел на убегающие и сходящиеся вдалеке ряды домов и,

словно ища примирения, спросил:

– Значит, вы знаете, что я потерял память?

Старик снова снял шляпу, расправил складку на ней и снова надел.

– Это не потеря памяти, – коротко бросил он и указал на удаляющиеся дома. Немного помолчав, он все-таки счел нужным продолжить:

– Это зрячесть и слепота одновременно. Ты вроде бы знаешь и чувствуешь, какой хаос ждет тебя впереди, но никак не можешь простить. Ты так сильно любишь себя, что видишь то, чего нет.

Я искоса взглянул на старика в полной уверенности, что ничего конкретного, путного и понятного мне я все равно не услышу.

– Это однообразное удаление могло бы уже и закончиться, – сказал я, чтобы сменить тему и указал на заднее окно.

– На следующей остановке, – бросил старик и встал, чтобы перебраться к окну. – Для начала. – И, не поворачивая головы, добавил: – На одной из твоих остановок. Обескураженный, я вышел из автобуса и прочитал надпись на темно-коричневой табличке, висевшей на стене дома: «улица Куммели».

Губы сами собой скривились в горькой усмешке. Я засунул руки глубже в карманы и посмотрел вслед автобусу. Казалось, будто именно это большое желтое средство передвижения – последняя ниточка, связывающая меня с реальностью.

– Ну-у-у, ребята! – я наслаждался протяжным «у». – Будет весело!

Где-то глубоко в душе блеснула слабенькая

надежда, что Эве жива и все произошедшее – мания или белая горячка. Ведь много писали о таких случаях, когда у человека крыша съезжает только через три месяца после начала запоя, а потом возвращается на старое место. Может быть, мне все это приснилось? Может быть, я и сейчас сплю? Я проделал старый опыт с пощипыванием и битьем себя по щеке. Нет, я не спал.

Разглядывая номера домов, я, наконец, добрался до двадцать четвертого и, волнуясь, вошел в деревянный дом грязно-голубого цвета. В нос ударил запах тухлых яиц. Наверное, тут проблемы с канализацией.

Зачем-то я приподнял дверцу почтового ящика, проверяя, нет ли там чего. Все-таки, надо сказать, человек очень быстро привыкает ко всему! Вот он, мой почтовый ящик. А это – мой дом! Утром – один, вечером – другой. Размышляя о жене, я добрался до двери шестой квартиры.

Глава шестая

**Ее карие глаза
вдруг стали темн
ыми как ночь**

Жена? Моя? Эве? Здесь? Я присел на верхнюю ступеньку лестницы и задумался. Не мог же я не заметить, что целых десять лет находился, бог знает где. Тот волосатый пузан в моей квартире нес полную чушь. А если нет? Здесь уже не угадаешь. Тогда Эве должно быть сорок?

Я вдруг испугался. Схватившись обеими руками за лицо, я ощупал каждую морщинку, брови, уши, рот и долго изучал свои руки. Я ринулся к входной двери и выскочил на улицу, перешел через дорогу, подбежал к витрине магазина и почти уткнулся носом в стекло. С облегчением вздохнул, удостоверившись, что я не постарел. Во всяком случае, я ничего не заметил.

Я вернулся к двери шестой квартиры и прислушался. В комнате работал телевизор, а из кухни слышалось приглушенное гроыхание посуды.

Черт, я голоден! Брюхо напомнило мне об этом долгим урчанием, и я решительно нажал на кнопку звонка.

– Ян, дорогой! – мне на шею бросилась совершенно незнакомая блондинка лет тридцати.

– Что ты сегодня так поздно? Звонили из школы, сказали, что учитель Рааг забыл о родительском собрании в шестом «б», его перенесли на следующую неделю. Ничего страшного! В последние дни ты на самом деле совсем замотался... Ладно, иди, раздевайся и садись есть! Курица теплая, я ее

подогрела. Сигне пошла в кино с соседской Мерики.

Не успел я и рта раскрыть, как с меня стянули куртку и надели на ноги тапочки. Это уже слишком! Совершенно незнакомая женщина! Знакомые меня не узнают, а незнакомые вешаются на шею! Узнавание срабатывает наоборот?

«Ну-ну, – подумал я, – вообще-то, приятно, когда тебя так встречают, но о какой, черт возьми, школе она говорит и кто такая Сигне?»

– Твоя мать звонила, сказала, что ты по телефону нес какую-то чушь. Передал привет умершему отцу. Я думаю, что в выходные тебе просто надо отлежаться и отдохнуть. Или ты выпил?

Блондинка подошла ко мне поближе и принюхалась:

– Дыхни!

От неожиданности я сделал шаг назад, потом сильно дунул ей прямо в лицо, взметнув волосы на ее голове.

– Есть ужасно хочется! – как можно естественнее сказал я, когда она оставила меня в покое.

– Идем, дорогой, я накормлю тебя, как следует.

«Интересно, как ее зовут, – подумал я. – Что за предмет я преподаю в школе? И когда успел умереть мой отец?» Слишком много всего за один день. Я почувствовал, что хочу спать и больше ничего. Спать и проснуться дома, рядом с Эве.

– А как вообще у тебя день прошел? Этот проказник Тийт и сегодня что-нибудь натворил?

– Знаешь, я так устал... – вяло ответил я.

– Хорошо, хорошо, больше никаких вопросов! Завтра я обязательно должна сходить к врачу. Уже

четырнадцать недель.

– Ах, вот как? – я тупо разглядывал клетчатую клеенку и, пытаюсь хоть как-то отреагировать, что-то промычал в ответ.

Моя, так сказать, жена ждет, так сказать, второго ребенка, а я, значит, школьный учитель, забывающий о родительском собрании, тот, чей отец то ли жив, то ли мертв и который, наконец, по ходу дела, совершенно свободно переходит из одной жизни в другую, не имея при этом ни малейшего представления ни о первой, ни о второй.

Я задумался. Вот я здесь, вполне реальный, все остальное тоже реальное, я просто заработался и подсознательно хочу сбежать в другую жизнь, на более интересную работу и вообще... Самовнушение было настолько сильным, что теперь эта другая жизнь кажется мне реальной, а реальная – выдуманной. Тяжелый случай. Тем не менее, несколько минут назад я и лица-то этой своей нынешней жены не помнил, что уж тут говорить об имени. Но ведь что-то должно связывать эти две жизни!

– Знаешь, – попробовал я начать издалека, – мне кажется, что в этот раз мне надо немного подлечиться. Что-то у меня с головой не все в порядке. Много забываю и...

– Господи! – охнула жена, чуть не плача. – В глубине души я всегда боялась, что когда-нибудь это случится! Сердце подсказывало! С того раза, когда ты почти до самого утра бродил взад-вперед вдоль реки и не мог найти дороги домой. Уже тогда врачи сказали, что при такой нагрузке расстройство может повториться! Ах ты, господи! Вот и повторилось!

Уходи-ка ты из этой школы! Мы что-нибудь придумаем! Миленький! Ах ты, господи, боже мой!

Жена села на стул напротив меня и взяла мою руку:

– Ты все делаешь слишком основательно и перенапрягаешься.

«Какая тягомотина!» – подумал я и через силу запихнул в рот последнюю картофелину. Потом предложил:

– Как говорится, утро вечера мудренее. Давай-ка ляжем спать, а завтра, может быть, все снова встанет на свои места.

– Ладно! Как хочешь! Дать тебе снотворное?

– Никаких лекарств! – решительно отказался я. – Как тебя зовут?

Карие глаза жены вдруг стали темными, как ночь, рот открылся. Она сглотнула, прокашлялась и, глядя на меня, серьезно сказала:

– Агнес. Агнес Рааг. Девичья фамилия Касеметс.

– Ну, да, – только и ответил я, – очень приятно! – и напрямик направился в ближайшую комнату, но попал в кладовку.

Глава седьмая

Тонкая клавиатура

– Где у нас спальня? – не оборачиваясь, как можно спокойнее спросил я. Агнес Рааг, в девичестве Касеметс только всхлипнула, и я решил отыскать супружеское ложе самостоятельно. Оглядев гостиную и мысленно одоблив выбор книг на полках, добротную обивку мягкой мебели, то, как стоял телевизор по отношению к окну, я открыл одну из двух расположенных рядом дверей.

Обычная мебель для спальни, бежевые занавески с оборками и мягкий темно-коричневый ковер на весь пол оставляли впечатление уюта, но были слишком заурядными. Я разделся, сбросив одежду на пол, и нырнул в прохладную постель.

«Спать, только спать», – было моей последней мыслью. Сквозь сон я почувствовал, как выгнувшееся дугой теплое обнаженное тело прильнуло ко мне.

Около пяти часов утра я проснулся от кошмара. Рывком сел и стал озираться, пытаюсь понять, где я нахожусь. За занавесками виднелось звездное небо, слышалось урчание работающего холодильника. Обычно, в таких случаях я снова засыпал, сменив позу, но на этот раз сон был слишком реальным.

Мне приснилось, что меня кольцом окружает высоченная булыжная стена, а в ней только одна узенькая щелочка, сквозь которую виден удаляющийся желтый автобус. Из заднего окна автобуса беззубым ртом улыбается и машет шляпой

уже знакомый мне старикан, говорящий загадками.

– Я твоя судьба, – прочитал я по его губам.

– Щель в стене, автобус, судьба, – пробормотал я, – что за чертовы символы? Какой-то беззубый старикашка хочет быть моей судьбой? Я что, еще и педик?

Я посмотрел по сторонам. Рядом со мной лежала блондинка – моя жена, с которой я, вставая, почти стянул одеяло. Неужели теперь каждый божий день мне будут выдавать новую жену?

Вторая, конечно, красивая, ничего не скажешь, но совершенно чужая! Я осторожно ткнул пальцем в ее упругий зад. Затем накрыл ее одеялом и ощупью стал пробираться на кухню, чтобы покурить. Жена приоткрыла во сне рот и повернулась набок, снова обнажив свой зад.

Во время учебы в университете, который, как мне помнится, я так и не закончил, мне доводилось пару раз просыпаться в незнакомых местах. Но всякий раз я все-таки вспоминал, где познакомился с партнершей. Сейчас все было сложнее.

Я закрыл дверь на кухню и закурил возле печки. А вдруг Эве никогда и не было? Наверное, врачи правы. Завтра надо будет сходить к психиатру, может, хоть что-то прояснится. Или нет? Потому что если я соскочил с катушек, то о какой ясности можно говорить? И, конечно, надо еще раз как следует проверить работу, обе работы и друзей-приятелей тоже. Вдруг хоть кто-то меня узнает.

В прихожей кто-то завозился. Дверь в кухню открылась, и в проеме показалось заспанное лицо девочки лет десяти с всклокоченными белокурыми

волосами на голове и прищуренными от света глазами.

– Привет, Ян!

– Привет! Почему ты называешь меня Яном?

– Ты ведь сам говорил, что это так прикольно! Если не хочешь, я больше не буду.

– Да, нет, я пошутил. Продолжай в том же духе.

– Писать захотелось, – добавила Сигне и, скрипнув дверью, вошла в туалет.

Слушая журчание в ночной тишине, я думал, что на самом деле все это не настоящее. Журчание прекратилось, и вскоре в дверном проеме снова показалось заспанное лицо и белокурые волосы:

– Спокойной ночи, папуля!

Я бросил окуроч в печку, выключил свет и ощупью прошмыгнул в комнату к Агнес Рааг. Задумчиво поглаживая незнакомый зад, который мне был так убедительно предъявлен, я все еще продолжал удивляться тому, что выдуманный мир может быть настолько реальным. Размеренное, глубокое дыхание жены постепенно сменилось сладостным мурлыканьем.

– А дверь ты закрыл? – полушепотом спросила Агнес, поворачиваясь на спину.

– Да, только что. Ходил курить в кухню и закрыл за собой все двери. Кладовка уже была закрыта.

– Иди ко мне, мой пупсик!

Я уткнулся носом в пахнувшие шампунем волосы и почувствовал на своей спине ее руку. Кожа Агнес была мягкой и бархатистой. Меня немного раздражало ее постанывание. Эве всегда любила молча.

– Такой у нас не работает, – решительно заявили мне и повесили трубку. Состояние оцепенения, в котором я пребывал, снова сменилось всевозрастающим беспокойством, убивая последнюю надежду и делая это с садистской безжалостной последовательностью.

Сигне ушла в школу, Агнес, вероятно, на работу, и я был дома один. Я надел стоявшие возле кровати тапки, взял со стула традиционный халат и решил немного осмотреться в квартире.

Первое, что я заметил – стоявший возле телевизора стул. Значит, это вовсе не телик, а компьютер. Или оба в одном? Более тщательный осмотр показал, что у этой полупрозрачной тонкой штуkenции нет ни одной кнопки. Я коснулся рукой экрана, и на нем появилась целая куча иконок. Ага, ясно! Я стал наклонять телик-компьютер взад-вперед, чтобы посмотреть, что в нем еще есть. Но ни одного USB-порта или какого-либо другого гнезда не было. Даже электропровода. Но зато из него с грохотом выскользнула тонкая клавиатура.

Глава восьмая

Самый настоящий ПСИХ

Я перебирал разные иконки, пока не наткнулся на неизвестный браузер. Для меня все это было в новинку. Прекрасное разрешение и сверхъяркие картинки, мгновенный пересчет страниц и качественный перевод.

По всей комнате были расставлены звуковые колонки, стереофонический звук был высшего качества... Я потерял дар речи. И в моей прежней жизни, то есть в жизни с Эве, все это тоже было осуществимо, но здесь этот прибор – не какой-то там сляпанный из дорогих компонентов электронный комбайн – служил простому человеку.

«Да, время не стоит на месте. Странно, что я не выгляжу постаревшим», – подумал я. Затем еще раз, теперь уже при дневном свете подошел к зеркалу и стал внимательно себя изучать. Определенно не постарел.

Обойдя всю квартиру, я быстро оделся и вышел, закрыв за собой дверь. Днем мир показался мне более приветливым. Я сбежал по лестнице, перепрыгивая сразу через несколько ступенек.

Выйдя на улицу, я невольно стал искать глазами желтый автобус и, направляясь к остановке, каждый раз поворачивал голову, когда из-за угла выскакивала машина. Желтого автобуса не было.

Вскоре я уже был на остановке и, пиная ногой камушки, прочитал надпись на табличке на стене

дома напротив: «УЛИЦА КУММЕЛИ».

До сих пор я знал об этой улице лишь то, что она находится где-то на окраине города, нужды бывать там до вчерашнего вечера у меня не было.

– Извините, – обратился я к проходившей мимо девушке с взлохмаченными рыжими волосами, – где может быть центр города?

Обойдя меня по дуге и махнув рукой в сторону магазина с огромной витриной, девушка неуверенно бросила:

– Там!

Мне надоело ждать, и я решил прогуляться до центра пешком. Вскоре показались знакомые места и, наконец – надо же! – родные окрестности. Не на таком уж краю города я жил!

Значит, вот как мне надо добираться до моего, так сказать, дома! Время от времени я на всякий случай оглядывался, чтобы запомнить дорогу.

Первым делом я решил сходить на свою прежнюю работу.

Войдя в здание бюро, я сразу заметил, что солидной пожилой дамы нет. На ее месте за столом информации сидела простоватая на вид толстая тетка с накинутым на плечи платком.

– Куда вы, молодой человек? – выглянув из-за монитора, спросила она.

– К директору! На собеседование! – солгал я, не моргнув глазом, и прибавил шаг.

Тетка сделала было протестующее движение, пытаясь меня остановить, но я уже пересек фойе и скрылся в лифте. Коридор, куда я попал, был мне знаком, но ковровое покрытие было не зеленым, а

бордовым. Я открыл дверь в бюро. Зал был вытянут в длину, как швейный цех на больших фабриках, и вместо привычного тихого пощелкивания клавиш слышался какой-то гул. Я остановился и нерешительно посмотрел вокруг. Как мне помнилось, мой бокс находился с края правой стены почти в конце помещения. Размеренным шагом я шел по удлинившемуся коридору и внимательно разглядывал занятых работой программистов, графиков и дизайнеров. Все до единого были мне незнакомы.

– Привет, Вовка! – поздоровался я с давним коллегой, радуясь первому знакомому лицу. – Ну как у тебя дела?

Вовка смерил меня долгим взглядом и даже не улыбнулся в ответ. Я не дал сбить себя с толку и зашагал дальше. Дойдя до своего бокса, я в изумлении остановился:

– Рейн?

Он сразу нажал на кнопку «сохранить» и свернул открытую страницу.

– Привет! – тихо буркнул он себе в бороду в свойственной ему манере. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет-нет, – ответил я, видя, что он совершенно меня не узнает. – Я просто вас с кем-то перепутал.

– Бывает, – утешил Рейн и продолжил работу.

Я угрюмо брел обратно той же дорогой. Невольно сторбившись и уже не глядя по сторонам. Миновав стол информации, я быстро выудил из кармана телефон и стал искать хоть какие-то знакомые номера. Но теперь не было даже последних, остались только номера мамы, Агнес, школы и некоторых

служб.

– Сюрра, – пробормотал я и сунул телефон в карман. Когда-то давно я действительно собирался стать учителем и, учась в университете, прошел даже педагогическую практику. Но потом все же выбрал профессию веб-дизайнера, поскольку все говорило о том, что будущее – за компьютерами, и я решил, что за какой-то год работы в школе я наверняка свихнусь. Педагогика – не мое призвание.

Все же я псих, опять вернулся к тому, о чем изо всех сил старался не думать. Самый настоящий псих и нуждаюсь в помощи психиатра. Поскольку имеет место раздвоение личности, то я, вероятно, шизофреник.

Глава девятая

Желтый рейсовый автобус

Я представил себя топчущимся в смирительной рубашке, и рот мой невольно скривился в горькой усмешке. Когда какой-то пожилой мужчина остановился и, оглянувшись, пристально на меня посмотрел, я на полном серьезе заявил:

– Я – псих! Да-да, господин, я – шизофреник!

Дядька так и застыл на месте, а я, прикрыв рот рукой, прошептал:

– Но пока этого никто не знает! Это – государственная тайна!

Господин повернулся и быстро двинулся дальше, а я стал останавливать прохожих, сообщая им:

– Да, кстати, я переписываюсь с Судьбой. Если хотите что-то ей передать, я с удовольствием это сделаю!

К счастью, моя персона никого особо не заинтересовала, и я спокойно продолжил свой путь в никуда.

На углу следующей улицы происходило что-то неблагоприятное. Из инвалидной коляски вывалилась парализованная женщина. Вторая женщина, постарше, скорее всего, она и катила коляску, пыталась втащить молодую обратно. Почему-то никто не поспешил ей на помощь, и они продолжали кувыркаться так вдвоем. Обе находились спиной ко мне, и я успел заметить на женщине, которая была постарше, сапоги, показавшиеся мне знакомыми.

Я подошел к этой паре и усадил женщину-инвалида в коляску. Устроив ее поудобнее, я хотел побыстрее улизнуть, чтобы избежать неловкой ситуации изъясления благодарности. И вдруг меня словно ледяной водой окатили. Передо мной стояла моя собственная мать, а в инвалидной коляске сидела Эве. Взгляд у нее был отсутствующий, а голова наклонена набок.

Я еле слышно поздоровался. Мать измождено посмотрела на меня и слегка улыбнулась:

– Ну, как твои дела, сынок? Сигне растет и в школе все в порядке?

Я хотел было ответить, но у меня словно ком в горле застрял. Я посмотрел на Эве, совершенно безучастную, пребывавшую в своем замкнутом мирке и едва кивнул в ответ:

– У меня все хорошо.

Я присел на корточки и взял в свои ладони руки Эве – они были холодными.

– Иногда ее взгляд проясняется, и тогда мне кажется, что она меня узнает, – сказала мать и поправила клетчатый плед, которым накрыла колени Эве.

– Ну, я пойду – сказал я тихо, собираясь побыстрее удрать, куда угодно.

– Заглядывай к нам иногда! Приходите всей семьей, если тебя одного не отпускают, – на прощанье сказала мать, и я снова кивнул.

В парке я сел на первую попавшуюся скамейку и чуть не расплакался. Бесконечная тоска и чувство вины переполняли меня. Вот он я – живой, здоровый, ношусь тут со своим эго и позволяю себя

обслуживать. А Эве словно бездумный овощ, да к тому же висит на шее у моей матери. Что, черт возьми, происходит?

Потом мне в голову пришла мысль. Коль скоро я один раз уже писал Судьбе, можно попробовать еще разок. Делать такое на трезвую голову, конечно, глупо, но чего только я не делал в этой жизни... В сложившейся ситуации это, наверное, единственная возможность, какой бы нелепой она ни казалась.

Я добрал до ближайшей почты, взял лист бумаги и написал:

Дорогая Судьба! Дай мне, пожалуйста, шанс все изменить! Я сожалею о том, что сделал и хочу все исправить.

Я вложил письмо в конверт и крупными буквами вывел на нем: «СУДЬБЕ». Прикрывая рукой конверт, чтобы никто не увидел, кому адресовано письмо, я быстро опустил его в почтовый ящик и вышел. Вдохнув полной грудью свежий воздух, я направился на улицу Куммели. Сейчас идти мне было больше некуда. Друзей у меня не было, знакомых тоже.

Понурившись, я сидел у печки в кухне своей квартиры на Куммели и курил. Я думал об Эве, несчастном случае и вообще о прошлом. Наконец, я взял лист бумаги и сел за кухонный стол. Вроде собрался написать кому-то. Кому? Что? Судьбе? Но я ей уже писал.

Вдруг белый лист передо мной заиграл всеми цветами радуги. Стены кухни выгнулись дугой, искривились и начали таять как мороженое. Трудно описать словами все те искривления и изменения, которые происходили.

Минуту спустя, я очутился в кухне своей старой квартиры. Я до смерти испугался, услышав голос Эве:

– Так ты меня больше не держишь? Или ты меня больше не хочешь?

Входная дверь открылась и закрылась. Раздались быстрые шаги по лестнице. Я вскочил и ринулся следом. Сделав всего пару прыжков, я оказался внизу и открыл входную дверь. Вот он показался – желтый автобус. Эве только ступила на проезжую часть.

Глава десятая

**Туманная
полоса,
похожая на
Млечный Путь**

Я схватил ее за руку и что было сил потянул на себя. В следующий миг что-то хрустнуло в плече и спине, голова моя как-то резко дернулась назад, и я потерял сознание.

Я проснулся с ощущением, что вернулся с того света. Сильно хотелось пить, из моего носа торчали какие-то трубки, в вене – игла от капельницы, а еще была целая куча всевозможных зажимов. Сидевшая возле моей кровати Эве вскрикнула, заметив, что я очнулся.

– Я что, умер? – пошутил было я.

– Теперь уже нет! – ответила Эве. – Ты был в коме.

Я попытался собраться с мыслями.

– И долго я так лежу?

– Да уже года четыре.

Я закрыл глаза, мне снова захотелось провалиться в мертвый сон. В дверь постучали, и вошел Рейн, мой сослуживец:

– Привет, старик! Ну, как поспал?

Рейн положил руку на плечо Эве и поцеловал ее в лоб. Эве взяла его за руку и оба понимающе уставились на меня. Единственным, кто ничего не понимал, был я.

– Могу я попросить вас об одной услуге? – обратился я к счастливой парочке.

– Конечно, – с готовностью ответила Эве, – говори.

– Мне нужны листок бумаги и конверт. Можно без

марки.

– Рейн, будь добр, сбегай к киоску через дорогу, – попросила Эве и посмотрела ему вслед долгим, любящим взглядом.

– У вас есть дети? – спросил я, чтобы продолжить разговор.

– Дочь, – ответила Эве. – Маленькая белокурая Кристи.

– Ах, вот как, – только и ответил я. – И живете вы все там же, на Мюйри 13-8?

– Все там же. Рейн продал свою квартиру, мы купили машину и немного попутешествовали. Еще немного осталось денег. Да что мы о нас. С тобой-то, что делать будем?

Я попробовал шевельнуться. Руки работали, но ниже пояса я ничего не чувствовал.

– Да, – заметив мои усилия, сказала Эве. – Низ у тебя парализован.

Дверь в палату открылась, вошел Рейн и протянул мне конверт и лист бумаги:

– На, старик, пиши на здоровье!

– Я не старик, я вышедший из комы калека, – не преминул уточнить я.

Достав из тумбочки толстый журнал, я сел, подтянувшись на локтях, положил на него бумагу и попросил шариковую ручку. Порывшись в сумочке, Эве протянула мне ручку.

– Мы, наверное, пойдем, раз ты собрался писать, – сказала она.

– Подождите, письмо будет коротким. И я прошу вас бросить его в почтовый ящик.

– Хорошо, – оба с готовностью кивнули,

обменявшись при этом недоуменными взглядами, думая, что я этого не замечу.

Я написал посередине листа:

Дорогая Судьба! Прощу тебя, дай мне еще один шанс! Пожалуйста!

Потом я вложил письмо в конверт и снова написал большими буквами: «СУДЬБЕ!»

Эве бросила взгляд на конверт, потом посмотрела на меня. Усилием воли она сдержала усмешку, затем на ее глаза навернулись слезы.

– Обещай, пожалуйста, что бросишь его в почтовый ящик! – попросил я, совершенно серьезно глядя на Эве.

– Хорошо, Ян, я брошу его в почтовый ящик.

Она сухо поцеловала меня в лоб, и они ушли. Вскоре пришла медсестра с тележкой и кучей лекарств, и стала вкачивать в меня новую жизнь. Жизнь, которой я не хотел. Приняв лекарства, я попытался уснуть.

Звуки ночной больницы ужасали. В соседней палате кто-то стонал от боли, кто-то кричал во сне, а кто-то с помощью ходунков пытался самостоятельно доковылять до туалета. Где-то звонил телефон, привезли больного после экстренной операции.

Я умышленно не стал включать свет, чтобы смотреть в огромное окно на небо. Когда я был школьником, меня очень интересовала астрономия. Я долгими часами наблюдал в бинокль за звездным небом и даже составлял его карты. Но сейчас я не мог отыскать ни одной знакомой звезды. Правда, виднелась какая-то туманная полоса, похожая на Млечный Путь, но знакомых мне звезд не было.

«Значит, я все-таки проскочил в проход», – только и успел я подумать, как звездное небо завертелось-закружилось, стены палаты растаяли как мороженое, и вскоре я снова очутился в кухне своего настоящего дома.

– Дадут мне пить или нет? – потребовала Эве. – Мне что, уже и пить не дают в этом доме?

Я должен был ответить, иди, мол, туда, откуда пришла и там пей, но я этого не сделал. Я вообще боялся что-то делать, опасаясь повторения черного сценария. Я просто встал, молча натянул спортивную куртку и вышел. Как можно спокойнее я спустился по лестнице и, бесшумно закрыв за собой дверь подъезда, вышел.

Из-за угла вырулил желтый автобус. Я прижался спиной к двери, дожидаясь, пока он проедет.

Получилось? Сердце бешено заколотилось, и я бросился вверх по лестнице.

Дверь была заперта.

– Эве! – крикнул я, задыхаясь. – Эве, это я, Ян!

Глава одиннадцатая

В самом себе ищи причину

В квартире послышался шепот, и, наконец, дверь открылась. На пороге стоял мужик с волосатой грудью. Протерев глаза, он бросил на меня испепеляющий взгляд:

– Ну, хватит! Я вызову полицию, если вы сейчас жк раз и навсегда не оставите нас в покое!

«Нельзя выпускать из квартиры Эве и нельзя уходить самому, – билось в моей голове, пока я выходил на улицу. – Никто не должен покидать пределов квартиры». Только теперь я это понял. Но что толку?

Я присел на скамейку на автобусной остановке, потянулся и закрыл глаза. А когда открыл, то снова очутился в больничной палате. То же звездное небо и те же неизвестные звезды. Неужели все это мне приснилось?

До утра я не сомкнул глаз, в голове крутились самые мрачные мысли. А вдруг Эве не отправила письмо? Подумала, мол, бедный Ян окончательно свихнулся, и бросила письмо в мусорный ящик или в печку?

Ровно в семь утра я набрал номер Эве. Послышались гудки.

– Эве? Это Ян.

– Ну, что случилось? – похоже, я ее разбудил.

– Эве, ты бросила мое письмо в почтовый ящик?

– Честно говоря, не успела. Замоталась.

– Эве, сделай это, пожалуйста! Для меня это очень важно!

– Ян, а тебе не кажется, что все это как-то по-детски? Пишешь письмо судьбе, как Деду Морозу? Может быть, у тебя произошли небольшие изменения в психике, вызванные долгим лежанием и пребыванием в коме? Ну, конечно, ничего серьезного, как ты сам понимаешь.

– Эве, пожалуйста, отправь это письмо! Это ведь не бог весть, какая просьба! Пожалуйста! Я больше ни о чем не буду просить, после этой услуги можете забыть о моем существовании.

На том конце молчали. Наверное, Эве безуспешно пыталась хоть что-то понять.

– Ладно, Ян, – наконец, серьезно ответила она. – Отправляю.

– Ян Рааг! – выкрикнула в коридор психиатрической больницы сухоощавая пожилая медсестра.

Я первым делом пошевелил ногами – они были совершенно здоровы!

«Спасибо, Эве! Письмо подействовало! Опять сработало отправленное Судьбе письмо! Рассказать об этом психиатру? Ой, нет! Только не об этом!»

Я нерешительно вошел в кабинет и уселся на стул возле письменного стола. Женщина лет сорока долго изучающе смотрела на меня.

– Хотите рассказать мне немного о себе?

Я, как мог коротко и правдиво, рассказал ей свою историю, умолчав лишь о письмах Судьбе. Психиатр долго молчала, глубоко задумавшись. Я

демонстративно кашлянул. Словно очнувшись, она сказала:

– Да-да, говорите. Продолжайте, пожалуйста!

– Никаких навязчивых идей у меня нет, и голосов никаких я не слышу. Не могу также ничего сказать о внезапных переменах настроения. Все вроде как настоящее и на вид в порядке. Только все это не настоящее.

– Я вас снова записала на прием. В следующую среду в двенадцать часов вас устроит?

Я посмотрел на талончик и разочарованно буркнул:

– Наверное, устроит.

Откуда мне знать, где я буду в следующую среду: дома или в коме больнице? Во всяком случае, выйти из дурдома было довольно приятно. Стояло лето, было послеобеденное время, пели птицы. Только что закончился дождь и в воздухе пахло мокрой пылью.

Я побрел к автобусной остановке, и он приехал – желтый и угловатый. Я по привычке протиснулся в самый конец автобуса и стал искать глазами старика. Он вошел на следующей остановке и сразу направился ко мне.

Поскольку сесть было негде, мы оба встали в углу у заднего окна, и я безо всяких предисловий спросил:

– Если вы и есть моя Судьба, то, объясните мне, пожалуйста, почему я до сих пор еще здесь. Я уже исправил свою ошибку в тот раз, когда бросился под колеса автобуса и пролежал в коме четыре года. Я еще не оплатил свой долг?

– Ликвидация последствий не является изменением настолько крупным, как тебе требуется, –

сказал старик. – Крупное изменение – это ликвидация причины.

– Мне что, надо было пойти с Эве и набить морду этому пристава? Во-первых, Эве мне ничего не сказала о том, что идет на вечеринку, а во-вторых... Во-вторых, долго ли еще мне лупить ее мужиков? Раз уж такая жена, ничего не поделаешь.

– Какая? – глядя мне в глаза, спросил старик. – И вообще, почему ты во всем так уверен?

– Но ведь она сама сказала...

– Изменение, которое вернет тебя в твою жизнь, должно быть более существенным. Ищи причину, в себе самом ищи. Большого я тебе сказать не могу, ты сам должен понять.

Автобус остановился, и старик поспешно вышел.

Я стоял у заднего окна и размышлял. В первый раз старик сказал что-то более-менее связное и понятное мне. Казалось, он словно хочет мне что-то сказать, но не может.

Глава двенадцатая

СКВОЗЬ оболочку МЫЛЬНОГО пузыря

Ищи в самом себе? Черт, мне что, Фрейдом стать? Что он там говорил? Сферы сознательного и бессознательного в человеческой психике... Для того, чтобы «вытащить» что-то оттуда, из бессознательного, имеется еще какая-то сфера предсознания. Как же, черт возьми, мне туда залезть, в это предсознание? А ведь там-то и должна скрываться большая часть всей этой махины – человеческой психики. Самому заделаться психоаналитиком, что ли? Спасибо! Результаты психоанализа весьма спорные. И вообще. На представления подсознания билеты не продаются. Это точно.

К тому же, говорят, что Фрейд скорее художник, чем ученый. Нет, он в этом деле не поможет. А кто тогда? Ницше? «Меня огорчает не то, что ты меня обманула, а то, что я не могу больше тебе верить». Ну и что? Не утешает и не указывает направления. Стать суперменом и простить все себе и другим? В том числе и то, что я не могу тебе доверять? Полная галиматья!

В центре города я вышел из автобуса. Я посмотрел по сторонам: у меня вдруг возникла потребность с кем-то поговорить. Копаться в своей душе вместе с Агнес показалось мне занятием невозможным; я, конечно, никого не хочу обидеть, но, увы, это так. Друзей у меня больше не было. Мать? Еще была Эве, но видеть ее в состоянии бездумного овоща я не

хотел...

Мне не с кем было поговорить!

Довольно долго я стоял на перекрестке и раздумывал, куда податься: в библиотеку или в кабак? Наконец, я зашел в первое попавшееся кафе в подвальном помещении и заказал к кофе 80 граммов ликера. Внутри меня словно огнем обожгло, когда я разом выпил половину заказанного.

За третьим стаканчиком ко мне за столик подсел какой-то задира неопределенного возраста с покрасневшимся лицом и громадными лапищами. Его густые волосы цвета картофельной кожуры были взъерошены, а серые глаза блестели как у рыбы.

– В задницу всех, достали, на хрен! – возвестил задира. – Что я, робот какой-то? Пусть катятся все бабы, на хрен! В кои-то веки придешь в кабак, так последнее норовят у тебя вытянуть! Свины, на хрен! Будто сами заработали! На хрен, не могу больше!

Я предусмотрительно со всем соглашался, поскольку краснорожий задира был явно непредсказуемым.

Постепенно разговор все же наладился, и я поинтересовался между делом, как бы он поступил, явись его жена домой пьяной и заяви то, что Эве.

– Убил бы дрянь! – услышал я твердый и однозначный ответ.

– А если она соврала? Соврала, чтобы подразнить меня, то как?

– Все равно двинул бы, на хрен! Какого черта тогда выпендривается?

Какое-то время мы молчали, каждый думал о своем. Из висящей на стене коробки лилась песня

Стинга об англичанине, который чувствовал себя совершенно чужим в Нью-Йорке. Неприкаянным. Мне почему-то стало грустно, и я решил уйти. Задира, между тем, успел затеять ссору с сидящими за соседним столиком студентами.

– Счет! – я махнул рукой официанту. – И вовремя, потому что едва я успел расплатиться, как краснорожий задира схватил стул и запустил его в соседний столик, только щепки полетели. К счастью, молодые люди успели отскочить. Тотчас примчался охранник.

Я не стал досматривать спектакль до конца и поспешил уйти.

Жестокая слепота универсума ... Это, наверное, еще хуже, чем его молчание? Или это одно и то же?

Я решил пойти на улицу Куммели и исследовать чудо-компьютер Агнес. Уже хорошо знакомой дорогой я дошел до своего, так называемого, дома и вошел в пустую квартиру. Снял ботинки и сразу уселся за компьютер.

Перелистывая страницы скай-фай, я где-то прочитал, что рядом с нами, на расстоянии, равном диаметру ядра атома находится параллельный мир. Так близко, что даже трудно представить. Я опять наткнулся на статью о проходах в иные миры, в которой объяснялось, что при столкновении элементарных частиц на сверхвысоких скоростях, можно создать проход из одного измерения в другое. Получается, что этот проход должен быть не толще диаметра ядра атома, и ты словно проходишь сквозь оболочку мыльного пузыря? А вдруг этот проход на самом деле где-то существует? Или время от времени

возникает естественным образом то тут, то там? Вдруг я случайно прошел сквозь оболочку мыльного пузыря и даже не заметил этого?

Если так, то вероятность того, что я еще раз попаду к этому проходу, скорее всего, ничтожно мала... А даже если и попаду, вернусь ли я в свое измерение? Воображение рисовало картины одну мрачнее другой, и, наконец, мысленным взором я увидел себя вечно скитающимся по параллельным мирам.

К счастью, у меня в запасе была Судьба. Судьба, которая сумела сунуть меня в правильное место. Правда, пока на неопределенное время, но все равно.

Бряцнули ключи, Агнес поставила тяжелый пластиковый пакет на пол в прихожей:

– Фу-у! Ну и морока этот шопинг!

Я оставался совершенно безучастным и для разнообразия рассматривал плотно заставленные книгами полки.

– Сегодня я ходил к психиатру, – без всякого выражения сказал я.

Агнес с курткой в руках уставилась на меня.

Глава тринадцатая

Где-то ведь есть ИСТИНА

– Ну и как? – она внимательно посмотрела на меня и поправила прическу.

Я почему-то умышленно тянул с ответом.

– Лечение назначили?

– Да никак, ничего не сказали, снова пригласили на прием в следующую среду в двенадцать.

– Значит, все-таки что-то не в порядке, да?

– Я же говорю, пока неизвестно. Врачиха паялилась на меня, как на привидение и назначила новое время.

– Странно, – сказала Агнес.

– Ничего странного, – ответил я и взял пакет.

В среду ровно в двенадцать я снова вошел в кабинет психиатра.

– Мы должны оставить вас тут на какое-то время, – сообщила старомодная темноволосая врачиха, теребя в руках шариковую ручку. – Ваша жена в курсе. Мы ей сообщили.

Возражать было бессмысленно.

– На время обследования мы поместим вас в отдельную палату, я надеюсь, что обслуживанием вы останетесь довольны. – Хотя на лице врачихи не дрогнул ни один мускул, было видно, что она довольна своей шуткой.

В течение следующих дней мне учинили довольно основательный допрос. Именно так я называл беседы

с врачом, поскольку все общение сводилось к задаванию мне вопросов. Я же не мог задать ни одного.

Чем больше я рассказывал о своей, так сказать, выдуманной жизни, тем задумчивее становилась врач. Если бы я писал все это на бумаге, то из всех приведенных мной фактов вполне могла бы получиться целая книга.

Вероятно, от поспешных выводов психиатра удерживало то обстоятельство, что я безошибочно, с предельной точностью смог все это повторить. Даже писатель, обладающий великолепной памятью, не сумел бы настолько точно и так подробно запомнить все детали своего романа.

– Ваш случай, мягко говоря, исключительный, – врач попыталась перейти ближе к делу. – За всю мою практику мне такого еще не попадалось. Я тут посоветовалась с коллегами, и мы решили, что вас нужно тщательно обследовать.

– Господи, а как же моя частная жизнь? Хоть она и не моя, но все-таки жизнь! Если я останусь тут, то я и ее лишу!

– Ваш случай настолько уникален, что может принести пользу медицине. Разгадка данного феномена может стать серьезным прорывом в научной мысли!

Весь этот разговор показался мне несколько странным: словно обманывали ребенка или поддакивали галлюцинациям неизлечимо душевнобольного.

Врач устало посмотрела на меня, и на губах ее заиграла едва заметная улыбка. Она положила свою

ладонь на мою руку:

– Хуже уже не будет, я обещаю. К тому же вас изолируют от общества не на целую вечность. Вы ни для кого не представляете опасности, и не нуждаетесь в каком-то особом лечении. По крайней мере, в традиционном.

– А как же моя работа? – полюбопытствовал я.

– Время обследования вам будет оплачивать больничная касса, а когда поправитесь, возможно, снова будете вести уроки.

– Но я не умею! – воскликнул я. – Какая, к черту, математика?!

Врач была готова к этому.

– Вы слышали что-нибудь, ну, к примеру, о Риманне? Я имею в виду Бернхарда Риманна?

Неожиданно для себя я бегло ответил:

– Немецкий математик девятнадцатого века. Занимался геометрической теорией функций комплексного переменного, использовал «римановы поверхности». Он был тем, кто представил функции в виде тригонометрических рядов и ввел понятие «интеграл Риманна». Ну, еще теорию n -мерного искривленного пространства, открывшую впоследствии новый период в развитии геометрии и прочее. Именно на этой теории Эйнштейн и построил свою теорию относительности. Можно попросить бумагу и ручку?

– Хватит! – остановила меня врач, – наверное, теперь вы сами убедились, что у вас математическое образование?

– Но ведь я не закончил университет!

– По моим данным закончили.

Она подвинула на столе какие-то бумаги и уставилась на одну из них. Повисла долгая пауза, во время которой я безуспешно копался в своей памяти. Это было первое, что противоречило реальности.

– У меня есть одна просьба.

– Я слушаю.

– Я хотел бы еще раз побывать дома. Хотя в этом новом доме. Я не могу так сразу... Я должен более тщательно ознакомиться со своим, так сказать, новым прошлым, новой семьей, новыми сослуживцами и вообще. Ставьте мне точный диагноз или отпускаяйте!

Теперь я совершенно ясно увидел в глазах врача сочувствие. Они все-таки считают меня настоящим психом!

– Хорошо, – подытожила врач, – но поговорим об этом через какое-то время. А пока вот вам некоторые факты о вашем, так сказать, новом прошлом. Прошу вас! – Она протянула тоненькую папку и ободряюще улыбнулась:

– И еще. Где-то ведь есть истина. Рано или поздно...

– Ладно, ладно, – отмахнулся я и побрел в свою палату. «Х-файлы... Неужели дело уже дошло до издевательств?»

Глава четырнадцатая

Ветер расшвыривал бумаги

Утром мне принесли чистое белье. Медленно натягивая штаны, я смотрел в зарешеченные окна и наблюдал за проезжающими машинами. Вдруг я заметил угловатый желтый автобус. Мне даже показалось, что на заднем сидении сидит знакомый старикан и усмехается.

– Я тебе поиздеваюсь! – прошипел я и, запутавшись в штанинах, грохнулся на пол. А может, он и есть проем между тоской и молчанием! Или...

Дюжий санитар открыл дверь и подозрительно посмотрел на меня:

– Может, вам помочь?

– Нет, спасибо! Просто я немного подпрыгнул, обрадовавшись, что получил чистую больничную униформу.

– Сначала надо штаны натянуть, а уж потом прыгать!

Еще какое-то время санитар смотрел на меня, потом запер дверь. Да, с юмором дела тут обстоят неважно.

Теперь, во всяком случае, ясно одно – переписка с этой, так называемой, Судьбой имеет место. Были тут задействованы сверхъестественные силы, ад, параллельные миры или действительно рука самой Судьбы, не знаю, во всяком случае, я не был парализован.

Я зашагал по коридору дурдома, чувствуя себя

совершенно здоровым. Вдруг распахнулась дверь какого-то кабинета и оттуда, взмахнув полами халата, выпорхнула худощавая, светловолосая медсестра. Окинув меня взглядом, она понеслась куда-то по длинному коридору. Дверь кабинета осталась приоткрытой. Я вошел туда и сел за компьютер. Открыл электронную почту и быстро напечатал:

Дорогая Судьба! Спасибо, что ты была так добра ко мне, но я все еще не получил того, чего хотел. Дай мне, пожалуйста, еще один шанс!

Вместо адреса я написал – «СУДЬБЕ» и отправил письмо. Интересно, что обычно программа электронной почты не срабатывает, если знак @ отсутствует. Но в этот раз письмо быстро ушло. Я открыл папку отправленных писем: мое письмо было там. Только я собрался его удалить, как в дверях появилась медсестра в белом халате.

– Вам нельзя здесь находиться! – тщательно отрепетированным тоном сказала она, поглядывая при этом в коридор. «Сейчас вызовет дюжего санитаря», – подумал я. Встал из-за стола и объяснил ей, что долгие годы компьютер был моим рабочим инструментом, я соскучился по нему и просто на него смотрел. Сестра проводила меня в палату и сочувственно на меня посмотрела. «Наверное, я прекрасный образец вызывающего жалость пациента», – подумал я.

Ночью я с воплем проснулся. Мне приснилось, что в палату входит какой-то псих, который хочет ножом перерезать мне горло.

Я вскочил с кровати и попытался открыть дверь, чтобы выглянуть в коридор, но она оказалась запертой. Я двинул по двери ногой и прислушался. Тишина. Ударил еще раз, в коридоре послышались шаги санитара. В замочной скважине повернули ключ, и мгновение спустя на меня вопросительно смотрел заспанный здоровенный детина-санитар.

– Я хочу домой! – сказал я первое, что пришло в голову.

Санитар вздохнул и хотел закрыть дверь. Я поднатужился и, что было сил, толкнул ее. От неожиданного толчка санитар осел на пол, а я бросился бежать по коридору. Не знаю, далеко ли я убежал бы, если бы коридор не изменился. Буквально за секунду он стал в два раза короче, таким, какими обычно бывают коридоры в общежитиях, потолок стал ниже, а эхо не таким звонким.

Ветер расшвыривал бумаги и хлопал раскрытыми дверьми и окнами по стенам и косякам. Штукатурка на стенах раскрошилась, краска на потолке облупилась. В коридоре, стены которого были окрашены на высоту среднего роста мужчины синим цветом, царило запустение, но еще явно ощущалась жажда жизни.

Прислонясь к кухонной двери, стояла брюнетка лет сорока пяти, по лицу которой было видно, что ей удалось одержать победу над собственными злобой, жестокостью и жаждой мести.

– Да, вчера увезли плиту. Но все равно есть нечего. Мальчик плачет, но мы что-нибудь придумаем!

У меня запершило в горле.

- А люстры давно исчезли?
- До того, как ты ушел. Тебя восемь дней не было.

Глава пятнадцатая

Где мы живем?

Я пнул ногой валявшиеся на полу бумажки, потом поднял одну. Это был листок из моего дневника школьных лет. Я прочитал:

«Сегодня я почувствовал запах осени. Я остановился на блестящей от дождя булыжной мостовой, и мне в лицо пахнуло осенью. В первый раз в жизни меня охватило чувство, куда более мощное и меланхоличное, чем боль разлуки».

Это было написано, когда я учился в средней школе, однако то же самое я почувствовал и сейчас.

– А ты сообщила в полицию? – спросил я у женщины, имени которой не знал.

– Нет. Ни одно госучреждение никогда не спешит отбирать у судьбы то, что у тебя забрали.

– У судьбы, – тихо повторил я и вздохнул.

Я вошел в кухню и посмотрел на оборванную проводку. На том месте, где стояла электроплита, виднелся неокрашенный кусок стены. На полу были рассыпаны мука и крупы. Скорее всего, на полках искали спиртное.

– В комнаты, наверное, лучше не заглядывать? – обратился я к брюнетке.

– Как хочешь, там я уже убрала, – ответила женщина и, шаркая тапками, скрылась за ближайшей дверью.

– И часто я так пропадаю? – крикнул я ей в след.

– На этот раз у тебя потеря памяти? – прокричала в ответ она.

Я вошел в комнату, из которой доносился голос, и сразу почувствовал, что я жил здесь когда-то. Хотя на

столике, где должен был стоять телевизор, виднелся не покрытый пылью квадрат, я чувствовал себя здесь как дома. Секция и мягкая мебель стояли точно на тех местах, куда я бы их поставил.

– Да, на этот раз у меня потеря памяти, – спокойно подтвердил я, усаживаясь в кресло. Помолчав, по меньшей мере, минут пять, я решил, что должен идти. Куда?

– А куда я обычно хожу? – поинтересовался я.

– Да все ищешь ту жизнь, о которой мечтал, – послышалось в ответ.

– И есть такая?

– Учитывая то, что ты в течение двадцати лет постоянно сюда возвращаешься, наверное, нет.

– А дети у нас есть?

– Ах, оставь.

– Пожалуйста! – я скорчил умоляющую гримасу.

Все это время женщина смотрела на то место, где стоял телевизор. После минутной паузы она повернула голову:

– Так ты не шутишь?

– Нет, – как можно убедительнее ответил я, – мне вовсе не до шуток.

– Смотри, – жена взяла с полки секции и протянула мне фотоальбом. – Здесь твоя первая жизнь.

– А теперешняя?

С озадаченным видом жена протянула мне еще три альбома. Я стал внимательно рассматривать фотографии. В парке на облезлой скамейке сидела Эве, а у нее на коленях сидел малыш примерно трех лет. Свадебные фото, дни рождения, похороны.

– У меня есть сын от первого брака?

– Да. Пеэтер. Женат, дочке год.

Так, значит, Рейн – это выдуманная

промежуточная остановка, и их совместная жизнь исчезла вместе с моим параличом. Дойдя до третьего альбома, я спросил:

– С тобой у нас тоже сын?

– Верно. А до тебя у меня было их два.

– А где сейчас наш сын?

– Я отправила его к твоим родителям, пусть хоть поест.

– Значит, мой отец жив?

– А с чего бы ему умирать?

– Просто... – я осекся и махнул рукой. – А Агнес? Ты вообще слышала о такой? – я положил альбомы на стол. – Блондинка, довольно смышленная и мягкая?

– У тебя их столько было, что всех имен и не упомнить, – ответила жена, всем своим видом выражая полнейшее равнодушие.

Я взял второй по счету альбом, вытащил из уголков свадебную фотографию и на обороте прочитал: «Ян и Кати, 10шт».

– Кати! – сладким, как мед, голосом обратился я к брюнетке, немного гордясь тем, что могу назвать ее по имени. Кати вздрогнула и, нахмутив брови, посмотрела на меня.

– Кати! А разводиться мы пробовали?

– Да мы никогда и не были женаты! – ответила жена, усмехаясь уголком рта и поднимая брови.

– Вот как! – я почесал в затылке и подумал: – «Что же, черт возьми, мне теперь делать? Последнее письмо Судьбе забросило меня сюда. В конце концов, не столь это важно, главное, что я вышел из сумасшедшего дома! Очевидно, мне надо было зачем-то сюда попасть».

– Где мы живем? – как можно спокойнее попытался выяснить я.

– Два раза ты вешался, три раза разыгрывал

психа, четыре раза приводил домой потаскух, один раз грозился перерезать себе вены, два раза награждал меня венерическими болезнями, а теперь, значит, настал черед потери памяти?

Было похоже, что все это даже забавляло Кати.

– Ну, ладно, гляну в окно! – я не стал спорить и подошел к окну. Раздернув шторы, я увидел пяти- и девятиэтажные дома:

– Bay! Как Лос-Анджелес!

Глава шестнадцатая

**Дайте мне
спокойно
упиться до
смерти!**

Похоже, Кати начала оттаивать. Она встала с дивана и тоже подошла к окну. Посмотрела сквозь занавеску на бетонные дома и, усмехнувшись, сказала:

– Ты же никогда там не был, откуда тебе знать? А на английском ты даже комплимента сделать не можешь!

– You are so beautiful! – начал я.

– Интересно, а раньше я была всего лишь «nice».

Да, Кати начала отходить.

– У меня, наверное, рак мозга, – сказал я. – Последняя стадия.

– У тебя всю жизнь эта последняя стадия! Вставь, лучше, новый замок в дверь, я какой-то купила.

Вставив замок, я обратился к Кати:

– Милая Кати, я хотел бы слегка развеяться. Если ты не возражаешь, конечно.

– Разве я когда-нибудь возражала? Бери ноги в руки и иди!

У меня было твердое намерение, во что бы то ни стало найти Эве. Хотя по документам мне было сейчас сорок шесть, меня по-прежнему интересовала любовная сторона моей жизни. К тому же, у меня где-то имелись сын и годовалая внучка.

Я сунул руку в карман, и – о чудо! – телефон был на месте. Чего не было, так это номера Эве. Ну да, ведь столько лет прошло... Зато был номер матери.

Значит, она все еще жива.

– Привет, мама!

– Ну, здравствуй, пропавший! Где ты был все это время?

– Послушай, мам, я не буду тебе сейчас ничего объяснять. Ты знаешь что-нибудь об Эве? Где она живет, чем занимается?

– Ох, сынок... Когда она приходила занимать деньги в последний раз, то была так избита, что я даже хотела позвонить в полицию. Один глаз у нее совсем не открывался.

– Ты знаешь ее теперешний адрес?

– В последнее время она жила на Кааре 10, но я совсем не уверена, что она и сейчас там живет, она ведь все пропивает.

– Спасибо, мама!

– Постой, о себе-то хоть расскажи!

– Потом, мам, я сейчас очень спешу.

Я поднял руку и остановил такси:

– Кааре 10, пожалуйста.

– Будет сделано, – сказал таксист, и машина бесшумно тронулась с места. «Наверное, на электричестве ездит, – промелькнуло в голове. – Ну да, ведь столько лет прошло...»

Дом на Кааре 10 представлял собой старую деревянную хибару. Подвальное окно было открыто и, судя по доносившимся оттуда голосам, гулянка там была в полном разгаре. Я наклонился и заглянул в окно. В лицо мне ударила самая настоящая смрадная вонь подземелья. Я узнал голос Эве, хотя он был более хриплым, чем раньше, но это точно был ее голос.

Я постучал в дверь, но никто мне не открыл. Я

нажал на ручку, дверь была не заперта и я вошел. В клубах дыма за столом среди батареи бутылок сидели двое мужчин и одна женщина. Эве, раскинув ноги, валялась на диване, халат сполз, обнажив ее коленки. Трусики на ней не было. За столом играли в дурака.

На секунду Эве подняла глаза. Ее лицо было сильно избито, один глаз был опять заплывший. Вдруг ее взгляд прояснился:

– О, мой дорогой супруг нашел время и пришел подкинуть мне денег!

Ханыги заметно оживились, один из них стал теревить меня за рукав:

– Деньги! Да, гони деньги! Асту трахнешь, если захочешь, Эве-то занята, сегодня она моя!

Я с трудом сдержался.

– Эве, прошу тебя, прогони, пожалуйста, своих гостей. Я бы хотел серьезно поговорить с тобой с глазу на глаз.

Эве согласилась.

– Seriously? Это может означать много денег? Ну-ка, мужики и все остальные, валите отсюда! Увидимся завтра!

Алкаши нехотя встали. Асту, которая не смогла встать, тоже как-то выволокли.

Когда дверь за ними закрылась, я запер ее на крючок, поскольку не нашел ничего похожего на замок. Я сел на замызганный диван рядом с Эве и посмотрел в ее единственный открытый глаз.

– Эве, я не могу тебе объяснить всего, что происходит, но все это – не настоящее. Вернее, настоящее, но у нас с тобой есть шанс самим выбрать свою судьбу.

– Ты давно в запое? – спросила Эве и расхохоталась хриплым прокуренным голосом. Она хохотала и кашляла, кашляла и хохотала.

– По-моему, я вообще не пью, – не очень уверенно отозвался я.

– А тогда, что за бред ты несешь?

– Всего я не могу тебе объяснить, но могу сказать, что за последнее время я видел твою смерть, твой брак с веб-дизайнером, видел тебя в инвалидном кресле, а теперь вот такой, как сейчас. Можешь, конечно, не верить, но все это правда. А сам я всего за несколько дней был женат на двух женщинах и в довершение ко всему парализован ниже пояса. О моем пребывании в дурдоме я уж лучше помолчу.

– Зачем ты так со мной? – расплакалась Эве. – Ты ведь уже давно бросил меня, чего еще тебе надо? Мой собственный сын звонит мне раз в полгода, а теперь еще ты со всем этим бредом... Дайте же мне спокойно упиться до смерти!

Глава семнадцатая

Носом к носу с матрешкой

– Я знаю, что в это трудно поверить, но Эве, ты попробуй разок! Хоть раз в жизни попробуй поверить мне на слово!

– Зачем? – Эве посмотрела на меня совершенно трезвым взглядом. – Зачем?

– Дело в том, что каждый раз, как я прошу в письме Судьбу дать мне еще один шанс, она забрасывает меня в какую-нибудь жизнь. Похоже, ей мало того, что пишу только я.

– А от меня, что ты хочешь? Чтобы я написала судьбе письмо? Я думала, что только я спилась! Ха! Возвращайся в дурдом!

– Эве, пожалуйста!

Я нашел в кармане смятую банкноту и швырнул на стол.

– Не хочу я твоих денег! – сказала вдруг Эве презрительно. – Лучше вали отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели! Я хочу трахаться с алкашами. Они делают это так приятно долго.

– Ладно, я напишу сам, а ты только подпиши!

Я вытащил из кармана листок бумаги, развернул его и написал:

Дорогая Судьба! Мы оба – я и Эве – хотим все исправить. Дай нам шанс!

Я протянул Эве шариковую ручку.

– Бред, – заявила Эве и неразборчиво расписалась.

Я чмокнул ее в лоб и вышел.

– А деньги? – крикнула она мне вслед.

Я швырнул через порог все, что было в моих карманах, и быстро поднялся из подвала на улицу. На первом же углу я заметил почтовый ящик. Господи, ведь у меня нет конверта! Я просто сложил листок бумаги, написал: «СУДЬБЕ» и бросил в почтовый ящик.

Я остановил такси, сел на заднее сиденье и задумался. Куда ехать? На улицу Мюйри к мужику с волосатой грудью? На улицу Куммели к Агнес? В новый жилой район к Кати? Обратно в дурдом? А может вообще остаться тут, у Эве? На улице Мюйри мужик с волосатой грудью сразу вызовет полицию. Агнес может вызвать «скорую». У Кати я впаду в депрессию, а у Эве воняет. Из дурдома не очень-то выйдешь, если вообще выйдешь.

– Решили? – спросил таксист.

– В новый микрорайон, пожалуйста! Точного адреса я не помню, но я вам покажу, когда доедем.

– Договорились, – оглянувшись на меня, сказал таксист.

– Вот это да! – Кати театрально всплеснула руками. – Еще нет и полуночи, а муж пожаловал домой! Что за чудеса!

Полночи я практически не спал. Кати взяла свое, ведь по ее словам я редкий гость в этом доме. Заснул я только под утро.

Во сне я снова увидел, что меня кольцом окружает булыжная стена. Такая высокая, что ни заглянуть за нее, ни схватиться за ее край я не мог. «Это защита

от зла», – словно откуда-то издалека слышался чей-то шепот. Я ходил по кругу вдоль длинной стены и чувствовал себя в относительной безопасности – поначалу. Потом стали возникать экзистенциальные вопросы. Что мне делать с добром и злом в себе самом? Ведь со временем их накопится так много, что стена станет им мала. Для чего вообще надо что-то делать и для кого? Трещина в стене опять превратилась в узенькую щелочку, сквозь которую виднелось незнакомое звездное небо.

– Проснись, дорогой! Твоя очередь ставить кофе!

Как ужаленный, я вскочил с кровати и ошарашено уставился на рыжеволосую молодуху явно славянского типа, круглолицую, как оладья. Она лежала, подперев щеку рукой, и рассеянно поглаживала промежность. Значит, вот оно как, мой черед ставить кофе?

– Или повторим?

Но, черт! Это уже слишком! Только лопочущей по-русски хохлушки мне не хватало! Что она хочет повторить? И тут я почувствовал, что мое мужское достоинство слегка побаливает. Я поискал взглядом свою одежду – она была разбросана по комнате.

«Ты у мэнэ едыный, тилькы ты!» – напевала женщина-оладья, широко разведя ноги.

Как я понял, ее единственный – это я.

– Где Кати? – пролопотал я по-русски.

– Чево? – глаза оладьи округлились.

Я махнул рукой и с голым задом вышел из комнаты, столкнувшись носом к носу с круглой матрешкой лет шестидесяти, на голове которой были

накручены старомодные резиновые бигуди.

– Ян-сыночек!

Прикрыв срам рукой, я вернулся в комнату. Рыжеволосая оладья, закрыв глаза, мастурбировала.

«Одежда! – в панике подумал я, – одежда!»

«Червону руту не шукай вечорами», – пела рыжеволосая, не обращая на меня внимания.

Да я и не понимал, что она там пела.

Моя рубашка висела на спинке стула, под ней брюки, а нижнее белье – черт с ним, можно и без него! В углу кровати виднелись носки, возле двери стоял портфель-дипломат, по всей видимости, все-таки мой.

Не застегнув толком пуговицы, я рванул в коридор и привычным движением, чему я, впрочем, даже не удивился, открыл цилиндровый замок и два раза повернул нижний ключ. Через три ступеньки, входная дверь и вот она – свобода!

Глава восемнадцатая

Неподражае- мый фольклор

Лишь завернув за угол девятиэтажного дома, я, наконец, перевел дух. Зажав, на всякий случай, дипломат между ног, чтобы его ненароком не стащили, я стал шарить по карманам в поисках сигарет и спичек. Нашел. «Столичные».

«Какого черта?», – думал я, пытаюсь прийти в себя. Я сел на скамейку на детской площадке, положил на колени дипломат и открыл его. В нем были украинский паспорт на мое имя, несколько гривен и водительские права. Категории «В», «С», «D» и «Е»! Еще зачем-то два рулончика автобусных билетов и тяжелая связка ключей.

Из вложенного в паспорт удостоверения я узнал, что работаю водителем в автобусном парке номер три. Почему бы и нет? И вообще! Почему я бегу? Куда? От чего? Если Судьба решила поиграть со мной, я должен ей подыгрывать.

Где я допустил ошибку? Подпись Эве оказалась мало убедительной? О чем думала Эве, подписывая письмо? Может быть, она хотела, чтобы я катился к черту на куличики, так-то оно и получилось? Надо было застать ее в тот момент, когда она адекватна и способна хоть раз поверить вслепую.

Бойко болтая по-русски, я расспрашивал прохожих, как попасть в автобусный парк номер три. Где пешком, а где на общественном транспорте, я, наконец, добрался и решительно вошел в проходную

автобусного парка. Но когда я проходил через турникет, возникло неожиданное затруднение.

– Пропуск!

Пропуск? С глупым выражением на лице я уставился на тетку, а она, по всей видимости, моя, так сказать, старая знакомая, понимающе покачала головой:

– Эх, ты! Опять забыл! Пьяница паршивый! Ступай, ступай!

Значит, я – пьяница и постоянно забываю пропуск? Неожиданно я услышал, как сзади приближаются знакомые шаркающие шаги и обернулся. Отец! Здесь!

– Ты же отгул взял сегодня! – сказал отец, словно мы с ним только вчера расстались. – С Ольгой что ли поссорился?

– Да так, немного...

– Ерунда! Если хочешь, поехали со мной! Пивка тебе куплю!

Влезая в автобус марки «ЛиАЗ», я подумал о том, что твердить всем о потере памяти мне уже надоело. Хоть отца я от этого избеваю.

– Черт, вчера перебрал немного, голова болит, как в тиски зажатая.

– Ты за своей Ольгой получше бы приглядывал! Понятно, что она для тебя вроде трамплина или что-то в этом роде, но и дура тоже, и если начнут болтать...

– Да она нимфоманка! – констатировал я.

Отец как-то странно, будто поперхнувшись, закашлялся и посмотрел в окно:

– Да уж, она...

Довольно долго мы ехали молча, и я все гадал, спал отец с Ольгой или нет. Мне почему-то казалось, что спал.

– А мама? – осторожно поинтересовался я.

Отец посерьезнел и чуть было не проскочил остановку.

– Во время отпуска обязательно сходим! Отнесем цветы и приберем там немного.

Я весь покрылся гусиной кожей. Мама умерла?

– Черт, время летит так быстро, что... Три года уже прошло! – вздохнул отец.

На следующей остановке я купил в ларьке пива и занялся изучением Харькова, второго по величине города Украины. Пока что он выглядел как обычный советский город – сотни гектаров новых микрорайонов, трамваи, троллейбусы, метро. На каждом углу милиция и пьяницы.

Когда мы доехали до конечной остановки, отец спросил:

– Сегодня приколемся?

– Как обычно, – ответил я.

Отец взял микрофон, поднес его к своему задку и громко на весь салон пернул.

– Конечная! – вежливо и даже как-то кротко сказал он в микрофон и подмигнул мне: – Пассажрам это нравится!

Ну, нравится, так нравится. Я отхлебнул пива и закурил. Вот, значит, какой шутник мой отец!

– А этот Ольгин последний ухажер, как его там? – я прикинулся, что забыл, как его зовут.

– Колька, что ли?

– Да нет, другой...

– Серега?

– Нет, у него еще имя такое странное...

Отец пробормотал шесть-семь имен, затем его лицо просияло:

– Тарас! Тарасик!

– Да-да, после него еще воняло в туалете! – словно бы между делом вспомнил я.

«Ну, и влип же я...» – вспомнился длинный список отца.

Какая-то разъяренная бабка постучала в окно автобуса и погрозила кулаком. Отец опустил окно, и в кабину полился неподражаемый фольклор. Скорее всего, старуха каждый день ездила на этом автобусе и прекрасно понимала, в чем заключается соль шутки. Да и отец, казалось, к ней уже привык.

Словесная перепалка по поводу отцовской шуточки завершилась привычным для славян братанием, бабкиными слезами и воспоминаниями о тех временах, когда она была молодой и красивой медсестрой, заверениями и обещаниями отца.

Когда бабка ушла, отец врубил микрофон на полную мощность и с явным наслаждением повторил свое выступление. Я на всякий случай заглянул в салон. Сидевшая там молодая белокурая девица безутешно плакала.

Глава девятнадцатая

**Ошибки,
которые нельзя
исправить,
можно
простить**

– Отец! – одернул я резвившегося папашу, который радовался своей проделке. – Ты обосрал наше образование!

– Да срать-то не на что! – возразил отец, выглядывая из-за занавески в салон. – Посмотри лучше, что они с нами делают!

Проехав по городу еще один полный круг, я вышел недалеко от своего украинского дома и, топая между домами, рассудил, что на полный желудок все должно восприниматься в лучшем свете. А иначе зачем вообще человек живет на земле? Синяя краска существует для того, чтобы быть синей, солнце хотя бы для того, чтобы светить. А я? Для того, чтобы быть собой? А если я перестал быть собой? То надо просто жить, для того, чтобы жить. А жить можно, только принимая пищу. А все остальные действия – только производные или следствия. Об идеях и морали и говорить не хочется...

В таких нехитрых размышлениях, ноги сами привели меня в Олину кухню к тарелке борща. Я ел красный борщ и исподтишка наблюдал за роющейся в шкафах женой.

– Ешь, ешь, миленький ты мой! – стала подбадривать меня рыжеволосая супруга и уронила на пол пакет с сахаром. Подняв его, она своротила с плиты на пол сковородку, а ставя ее на место, треснулась об открытую дверцу шкафчика.

Закончив есть, я решительно дал понять, что хочу спать:

– Спать, – коротко бросил я.

Я прошмыгнул по коридору мимо болтающейся там матрешки, вошел в комнату и посмотрел вокруг. Поскольку чистой бумаги я нигде не нашел, то вырвал титульный лист из романа Достоевского «Преступление и наказание» и написал:

Дорогая Судьба! Может быть, тебе весело, но я хочу вернуть свою жизнь!

Я незаметно вышел и опустил письмо в первый попавшийся почтовый ящик. Раз уж я находился в этом городе, спать мне пришлось в объятиях рыжеволосой олады, которая за ночь несколько раз меня буквально изнасиловала.

Около четырех утра я сел на кухне на ветхую табуретку и закурил. Запахи здесь были совсем другие. Матрешкины сигареты без фильтра, почти каждодневный борщ, дешевые духи и куча грязного белья – все вместе создавало неопишуемый словами «букет». Я открыл окно, и мне в лицо ударил порыв свежего воздуха. Пахло немного пылью, немного вишнями, немного бензином и черт его знает, чем еще. Во всяком случае, его описание вполне могло бы превратиться в целый рассказ или даже небольшую поэму.

Я размышлял о своих скитаниях по жизням, в которых, казалось, не было никакой логики. С каждым моим письмом Судьба расширяла географию. Что там говорил старикан? Что я должен изменить что-то в самом себе? Или искать причину в самом себе, а когда найду, изменить ее? Изменить

причину? А что за причина во мне, заставившая Эве изменить? Ну да, я плохой муж... Я ведь тот же самый, с которым она повстречалась! Или нет?

А если Эве меня разыграла? Если не изменяла? Просто дразнила меня, так, из вредности? Ведь под хмельком ироничное высказывание может прозвучать совсем не так весело, как было задумано. А если все-таки изменила? Глубоко в душе я действительно хотел ее простить, но гордость и чувство унижения не позволили мне этого сделать. Это не позволило. Я теперь должен открывать Америку и проводить исследование под названием «анатомия прощения»? Показное прощение, самообман, прощение временное, вера в то, что ты простил, истинное прощение...

Наверное, истинное прощение означает отказ от себя. А как это – от себя? От чего мне тогда отказаться? От гордости? От страха стать посмешищем? Мое нынешнее «я» и состоит из страха быть униженным, высмеянным, быть хуже других. Разве старик подразумевал под изменением отказ от всего этого? Отказ от страха быть униженным, высмеянным, страха оказаться хуже других?

Я снова закурил. В конце концов, мое «я» – это не только гордыня и страх унижения! Да. «Но будь мужчиной и сделай это!» – рассуждал я.

Сказать бы Эве, что мне ни холодно, ни жарко от ее измены. Ну, немного не по себе, но это пройдет. А то, что теперь я не могу смотреть в глаза нашим общим знакомым – это пустяки! Свою гордость я запросто проглочу и вообще – зачем мне нужны какие-то атрибуты эгоистичного инстинкта

самосохранения? В следующий раз пойду и пожму руку ей и ее партнеру и спрошу, не перепадет ли и мне что-нибудь?

В своих размышлениях я зашел в тупик. Но все же. Ясно было, что ошибки, которые нельзя исправить, можно простить. Значит, до прощения я шел в правильном направлении. Это потом все усложнилось.

Глава двадцатая

Полетели предохранители

Закуривая третью сигарету, я почувствовал, что все вокруг опять начинает меняться. Земля задрожала и сигарета выпала из моих рук.

«Нет! Я еще не готов!» – хотел было крикнуть я, как тут же очутился у компьютера. Левая рука затекла. Входная дверь открылась и закрылась. Я посмотрел на часы – они показывали пять утра. В коридоре послышался стук – туфли полетели в угол, затем дверь распахнулась и на пороге комнаты показалась моя пьяная в стельку жена Эве с болтающейся на указательном пальце сумочкой. Эве прищурилась, посмотрела на меня, помотала головой и направилась к кровати.

– Привет, Ян!

Она рухнула навзничь на кровать и что-то неразборчиво пробормотала. Я не стал снимать с нее одежду, дав ей уснуть спокойно.

Я встал, пошел на кухню и закурил. Я ждал автобуса и смотрел в окно, пока он не проехал мимо нашего дома. Я помчался к Эве: она спала. Неужели сработало? Сердце билось, как кузнечный молот, только раз в десять быстрее. Я вышел на цыпочках из квартиры, тихо спустился по лестнице и вышел, бесшумно закрыв за собой входную дверь. Сделав всего пару шагов, я оказался за углом дома, где еще виднелся зад автобуса. Убедившись, что меня никто не видит, я снял штаны и показал автобусу

собственный зад. Это триумф. Я переиграл Судьбу! Ни фиги себе! Ура! От радости, я даже прослезился.

Шмыгая носом и стараясь не шуметь, я поднялся по лестнице и потянул за дверную ручку. Дверь была заперта! Я подумал, что снял замок с защелки фиксатора и достал из кармана ключи. Сунул один из них в замочную скважину и повернул. Ключ не подходил. Не подходил? Не подходил!

В дверях показался мужик с волосатой грудью, посмотрел на меня горящими яростью глазами и двинул кулаком по морде.

Меня неожиданно разбудил шума колес по булыжной мостовой. Окно было открыто, за ним рос тернослив. Я опустил ноги с кровати и потянул за ветку дерева. Так.

Вставая, я почувствовал, что моя голова вот-вот расколется.

«Похмелье», – констатировал я и выглянул в окно. Высокий первый этаж, деревянный дом, склон горы, булыжная дорога. На стене такого же обветшавшего двухэтажного дома напротив я прочитал: «*Mine perse!*» Вот как! Стало быть, я на родине. И то хлеб!

** Mine perse! (эст.) – иди в жопу.*

В комнате, в которой я проснулся, не было ничего, кроме платяного шкафа, буфета с двумя рядами зачитанных книг и двумя большими ящиками, старой раскладушки и двух стульев с круглыми сиденьями.

Телика не было, имелся лишь старомодный радиоприемник 60-ых годов. На полу лежал грязный синий половик из тряпок, а на стенах были выцветшие желтые обои – замызганные возле

кровати и оторванные около двери.

Холостяцкая квартира?

Я посмотрел на свою руку. Кольца не было!

– Ура! – завопил я, будто действительно радуясь этому, и тут же бухнулся на кровать от приступа пульсирующей боли.

– Я свободен! – просипел я в промежутке между двумя приступами.

Кто-то постучал в стену:

– Ты алкаш!

Осторожно лавируя между пивными бутылками, я открыл дверь. В нос ударил запах затхлости и мочи. Из соседней двери выглянула старуха с редкими седыми космами, какое-то время она укоризненно смотрела на меня, а затем, ни слова не говоря, скрылась в своей норе. Послышалось звяканье нескольких запираемых замков.

«Так, – констатировал я. – Стало быть, такая соседка. Ну-ну».

Вернувшись в комнату, я посмотрел в растрескавшееся зеркало, прикрепленное к задней стенке буфета, и уселся на пол посреди бутылок. Я безнадежный опустившийся алкаш, мерзкая рвань.

Почему я не попал в свою юность? Почему, черт подери, я должен блуждать среди незнакомцев, да еще спиваться? Почему жестокая Судьба так меня треплет? В чем же я так сильно провинился? Подозревал жену в измене? Ну и дальше что? Вторая вдруг умерла... О'кей. Но ведь на самом-то деле не умерла? А что же на самом деле? Что реально? Или это обман чувств?

Мне вообще не надо было выходить из квартиры

на улице Мюйри. Что же мне теперь так и скитаться по неизвестным сценариям или по возможным сценариям, или по желательным сценариям, или нежелательным или... Провались все пропадом, честное слово!

Во рту пересохло, глаза вылезали из орбит. Это было наказанием или наоборот – мне дали шанс? Шанс отказаться от самого себя? Или напротив, мне продемонстрировали бессмысленность чего-то? Чему-то учили?

Какая из всех этих жизней настоящая? Теперешняя, с Эве, с Агнес, с Кати или Ольгой? Похоже, предохранители начинают перегорать, а сценарии сливаться в один?

Я сунул голову в маленькую грязную раковину рядом с дверью, открыл водопроводный кран, сунул голову под струю воды, потом целую минуту пил. Предохранители зашипели, остывая, потом заработали.

Глава двадцать первая

Рефлекс лягушки

На улице кто-то свистнул. Я свесился с подоконника и просунул голову сквозь ветки тернослива. Внизу на тротуаре стоял совершенно незнакомый бомж.

- Ну, ты идешь? – задрал голову, спросил он.
- Куда? – я сделал вид, что очень болен.
- В читальный зал, конечно! Ха-ха-ха!
- Что?

Я попытался заглянуть в глаза этому оборванцу, но он так хохотал, что из глаз его катились слезы.

- Может, в кино, болван! Бе-е-е!

Я встал со спинки стула джинсы с вытянутыми коленками и заляпанную клетчатую рубашку, оделся и посмотрел по сторонам. На буфере валялись ключи, рядом – ID-карта в пластиковой обложке. И еще несколько скомканных банкнот. «Потом рассортирую», – подумал я и нажал на дверную ручку. В дверях я столкнулся с полицейским:

- Ян Рааг?
- Так точно! – я невольно взял под козырек.
- Пройдете с нами, пожалуйста!
- А в чем дело?
- В участке поговорим.
- О чем?

Я безропотно позволил доставить себя в каталажку, пребывая в полной уверенности, что мне абсолютно нечего бояться. Пусть я алкаш, но уж, во

всяком случае, не убийца; ни грабежей, ни черт знает, каких еще собак они на меня они не повесят.

В участке меня усадили за стол, дали лист бумаги, шариковую ручку и попросили написать, как я притесняю Эве Рааг.

– Господи, да ведь Эве Рааг – моя жена! – запротестовал я. – Хотя... – я вдруг засомневался.

– Нет, но... во всяком случае, я ее никак не притесняю, я до сих пор люблю ее.

– Тем не менее, с сегодняшнего дня вам на неопределенный срок запрещается приближаться к ней. Распишитесь вот здесь и можете быть свободны. Советую вам помыться, – сказал следователь, явно довольный собственным внешним видом.

– Если захотите обжаловать решение – звоните! – он протянул мне визитку.

Я вышел на улицу и почувствовал себя довольно необычно. Хорошо хоть Эве жива и с ней все в порядке, но плохо, что она, вероятно, не приняла то, о чем я ей говорил, не говоря уже об аудиенции.

Поскольку я уже столько всего пережил, то решил не останавливаться на полпути и набрал номер Эве.

– Эве, пожалуйста, выслушай меня! В последний раз в жизни!

– Что ты хочешь? – чуть помедлив, коротко спросила она.

– Пожалуйста, давай встретимся в последний раз, я хочу сказать тебе, что-то важное. Это может коренным образом изменить твою жизнь и мою.

– Ты это уже делал! – ответила Эве. – Оставь, наконец, меня в покое.

– Эве, дорогая, пожа-а-луйста! Давай встретимся

в последний раз! Честное слово! В последний!

– В семь часов вечера у кафе Нурга.

– Спасибо, я приду!

Уже без десяти семь я стоял возле кафе и нервно теребил сигарету.

Что я ей скажу? Будь, мол, умницей, напиши письмо Судьбе? Получить бы как-то обманом ее подпись или посмотреть телячьими глазами и попытаться объяснить самое абсурдное дело в мире? Что делать? Как себя вести?

Эве пришла не одна. С ней явился вполне приличный на вид почти двухметровый верзила. Они подошли ко мне, и Эве ехидно спросила:

– Здесь поговорим, на свежем воздухе или ты предпочитаешь привычную для тебя обстановку?

– Предпочитаю привычную, – спокойно ответил я.

В кафе или за стойкой бара у меня, по крайней мере, был хоть какой-то шанс остаться в живых. Здесь, под открытым небом верзила расправится со мной как с котенком.

Я заказал 80 граммов ликера и черный кофе.

– А ты хочешь что-нибудь? – спросил я у Эве.

– Нет, спасибо, будь добр, произноси свою последнюю речь и расстанемся по-хорошему.

Я попытался собраться с мыслями, не зная, с чего начать, но ее горилла смотрел мне прямо в рот.

– Эве, можем мы поговорить наедине?

– Калев – мой муж, у меня нет от него секретов, – ответила Эве.

– Но он смотрит мне прямо в рот, и от этого мне становится не по себе. Тем более, что пока я не

уложил еще ни одной гориллы.

Похоже, Калев только того и ждал. Он с явным удовольствием взял с барной стойки бокал вина и плеснул мне в лицо. Ты ошибаешься, дорогая Судьба, если думаешь, что я буквально за долю секунды не просчитал все возможные варианты реакции, которые тебе понравились бы. Я это сделал. И, в конце концов, победил рефлекс лягушки. Я схватил со стойки бутылку вина и швырнул ее прямо в лоб верзилы. Бутылка разбилась, и было непонятно, то ли это кровь льется, то ли вино. Ясно было одно – разговор здесь не состоится никогда, а надежда вернуться домой вместе с Эве растворилась в недостижимой дали.

Järg raamatus...

Kogu raamatu lugemiseks peaksid ostma pdf-faili siit:

<http://www.vilep.com/ind/e-raamatud/index.php>

Heiki Vilepi romaanid:

2010 – “Hirm”

2011 – “Saatusel mängud”

NB!

Kirjuta oma e-raamatu soov e-mailiga:

vilep@vilep.com

Või helista telefonil: 53488180

Heiki Vilep Facebook'is:

<https://www.facebook.com/heikivilep>